

А. Г. ЗУБКОВА

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ЕЕ РАЗВИТИИ

ОТ НАТУРОЦЕНТРИЗМА
К ЛОГОЦЕНТРИЗМУ
ЧЕРЕЗ СИНТЕЗ
К ЛИНГВОЦЕНТРИЗМУ
И К НОВОМУ СИНТЕЗУ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

ББК 81
УДК 80/81
3 91

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-04-16095

3 91

Зубкова Л. Г.

Теория Языка в ее развитии: от натуροцентризма к логоцен-
тризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. —
М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 624 с. — (Studia Philologica.)

ISBN 978-5-9907947-1-9

В книге анализируются ключевые философско-лингвистические и лингвистические концепции начиная с Античности до наших дней, т. е. показаны истоки и эволюция идей, заложивших основы современного понимания природы и сущности языка.

Прослеживается разработка таких проблем, как объект, предмет, метод и структура языкознания; его место в системе языка; функции языка; язык и общество; язык — мышление — действительность; языковой знак; язык и речь; система и структура языка; общее, особенное и отдельное в языке; природа межъязыковых различий; развитие языка.

Выявлены принципиальные расхождения в решении названных проблем между системными лингвистическими концепциями И. Г. Гердера, В. Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, исходящими из диалектического триединства мира, человека и языка, и аспектирующими концепциями А. Шлейхера, Г. Пауля, Ф. де Соссюра, метафизически противопоставляющими природное и социальное, физическое и психическое, индивидуальное и общественное в человеке и его языке.

Для студентов и аспирантов филологических специальностей, а также читателей, интересующихся теоретическими вопросами языкознания, его эволюцией.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-9907947-1-9

9 785990 794719 >

© Л. Г. Зубкова, 2016
© Издательский Дом ЯСК, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	13
<i>Введение. Эволюция общей теории языка</i>	24
1. Основное направление эволюции	24
2. Аспектирующие и синтезирующие концепции	34
<i>Глава первая. Общая теория языка с античности до конца XVIII в.</i>	40
1. Место теории языка в системе знаний	40
2. Античность	44
2.1. Язык — мышление — действительность.	44
2.1.1. Природа — человек — язык	44
2.1.2. Формы познания и язык. Истоки рационалистической тенденции в анализе языка	47
2.2. Античные теории языкового знака	52
3. Средневековье	59
3.1. Отцы церкви	60
3.2. Модисты.	62
4. Новое время	67
4.1. Рационалистическая тенденция.	67
4.1.1. «Грамматика» и «Логика» Пор-Рояля	68
4.1.2. «Методическая энциклопедия. Грамматика и литература»	80
4.2. Эмпирико-сенсуалистическая тенденция	83
4.2.1. Общая характеристика	83
4.2.2. Э. Б. де Кондильяк	93
4.2.2.1. Э. Б. де Кондильяк: язык как аналитический метод	93
4.2.2.2. «Грамматика» Э. Б. де Кондильяка	101
<i>Глава вторая. И. Г. Гердер</i>	111
1. Происхождение языка.	111
2. Развитие языка.	114
3. Общие свойства языков	116
4. Межязыковые различия	118
<i>Глава третья. В. фон Гумбольдт</i>	124
1. Языкознание как наука	125
2. Язык и дух	128

3. Язык — мышление — действительность	131
3.1. Язык как отражение	131
3.2. Язык и мышление	135
4. Язык как деятельность	140
4.1. Деятельностная природа языка	140
4.2. Язык и речь	142
4.3. Виды речевой деятельности: говорение и понимание	143
5. Язык как система. Членораздельность и форма языка	146
5.1. Членораздельность и символичность. Две области членения	146
5.2. Форма языка	149
6. Природа межъязыковых различий.	159
7. Возникновение и развитие языка.	170
<i>Глава четвертая. А. Шлейхер</i>	181
1. Истоки и принципы лингвистической концепции А. Шлейхера	181
2. Языкознание как наука	186
3. Язык как материальное явление. Язык и мышление	189
4. Происхождение и развитие языка	191
5. Природа межъязыковых различий.	198
<i>Глава пятая. А. А. Потебня</i>	204
1. Языкознание как наука	205
2. Язык как одна из форм мысли	209
3. Учение о слове.	212
3.1. Языковое и внеязычное содержание	212
3.2. Отношения между элементами слова	214
3.3. Слово как акт познания и творчества. Речь и понимание как творческий процесс	218
4. Язык как знаковая система	222
5. Природа межъязыковых различий.	229
6. Развитие мышления и языка	233
6.1. Развитие мышления. Его типы	233
6.2. Развитие языка.	237
<i>Глава шестая. Г. Пауль</i>	248
1. Языкознание как наука	248
2. Индивид и общество. Индивидуальный язык и языковой узус	250
3. Состояние языка. Системность	252
4. Развитие языка.	257
<i>Глава седьмая. И. А. Бодуэн де Куртене</i>	262
1. Языкознание как наука	263
2. Язык и человек в антропологическом и социальном аспектах.	270
3. Индивидуальный и коллективный язык	277
4. Язык как система.	280

5. Происхождение и развитие языка	296
5.1. Начало языка	296
5.2. Развитие и история языка	302
5.3. Внешняя и внутренняя история	303
5.3.1. Внешняя история	304
5.3.2. Внутренняя история	306
6. Языковые сходства и различия	319
<i>Глава восьмая. Ф. де Соссюр</i>	327
1. Языкознание как наука	327
2. Система языка	342
3. Природа межязыковых различий	346
4. Развитие языка	347
<i>Глава девятая. Язык в зеркале знаковых теорий</i>	352
1. Синтезирующий подход: Платон, В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня	352
2. Аспектирующий подход: Ф. де Соссюр	370
3. К целостной концепции языкового знака: К. Бюлер	380
<i>Глава десятая. От гипотезы Сепира — Уорфа к новому синтезу в теории языка</i>	395
1. Э. Сепир	395
2. Б. Л. Уорф	415
3. Г. Гийом	423
4. Э. Бенвенист	435
<i>Глава одиннадцатая. Н. Я. Марр</i>	452
1. Языкознание как наука	452
2. Происхождение языка	457
3. Язык и мышление. Стадии их развития	468
4. Глоттогонический процесс и классификация языков	474
<i>Глава двенадцатая. Структурная лингвистика</i>	479
<i>Глава тринадцатая. Н. Хомский</i>	501
1. Языкознание как наука	501
2. Креативность языка	502
3. Подход к объяснению усвоения и употребления языка	504
4. Универсальная грамматика	507
5. Врожденная умственная структура как основание универсальной грамматики и знания языка	508
6. Языковая способность как развивающееся свойство мозга	510
7. Минималистская программа	511
8. Язык и внешний мир	515
<i>Глава четырнадцатая. Г. П. Мельников</i>	518
1. Систематизация как философское обоснование методологии лингвистики	519

2. Системная типология языков	521
3. Детерминанта системы: внешняя и внутренняя.	523
3.1. Внешняя детерминанта языкового типа	523
3.2. Основные принципы системной типологии языков и внутренняя детерминанта языкового типа	528
<i>Глава пятнадцатая. А. Д. Кошелев.</i>	<i>534</i>
1. От кризиса в лингвистике и других когнитивных науках к его преодолению путем нового синтеза	537
2. Референциальный подход к лексической семантике	539
2.1. Сенсорная лексика	539
2.2. Структура лексической полисемии	546
3. Базовые концепты как нейробиологические коды памяти	548
4. Элементы сенсорной грамматики	551
5. Сенсорное предложение. Сенсорный язык. Когнитивный язык мысли.	559
<i>Заключение.</i>	<i>563</i>
1. Функции языка в отношении к миру и человеку	563
2. Важнейшие расхождения между синтезирующими и аспектирующими концепциями в решении основных общелингвистических проблем	568
3. Языковое мышление как основа лингвистического. К характеристике вклада отечественной традиции в теорию языка	578
3.1. Эволюция языковедного мышления и его отношение к языковому мышлению	578
3.2. Духовные и языковые корни отечественной традиции в теории языка	587
<i>Литература.</i>	<i>599</i>
<i>Указатель имен</i>	<i>615</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Системный подход к теории языка достигается путем двоякого рассмотрения той или иной проблемы: с одной стороны, *в контексте определенной концепции*, с другой стороны — *в контексте эволюции решений* данной проблемы на протяжении веков.

В предыдущей книге «Эволюция представлений о языке» (М.: ЯСК, 2015) прослеживается решение двух центральных проблем: язык в отношении к внутреннему и внешнему миру человека, язык как система знаков.

В настоящей книге, посвященной анализу ключевых философско-лингвистических учений, автор прослеживает развитие общей теории языка с античности до наших дней. Прежде всего представляется необходимым по возможности полно и объективно *реконструировать систему общелингвистических взглядов* языковедов прошлого и осветить их вклад в разработку таких проблем, как объект, предмет, метод и структура языкознания; его место в системе наук; функции языка; язык и общество; язык — мышление — действительность; языковой знак; язык и речь; система и структура языка; природа межъязыковых различий; развитие языка.

Отсюда максимальная опора на *источники*, а не на их переложения и критику, так чтобы читатель мог ознакомиться с достаточно полным сводом собственных высказываний классиков языкознания по основным общелингвистическим проблемам. Собрать свод таких высказываний, понять их логику и связь тем более важно, что зачастую они рассыпаны по разным работам, а хрестоматии, в которых весь спектр названных проблем был бы охвачен с необходимой полнотой, отсутствуют.

В изложении *ключевых* теорий языка автор стремился показать методологическую значимость адекватного выявления *детерминанты* каждой из них. Детерминантный подход, блестяще оправдавший себя при анализе различных системных объектов, включая естественные языки и литературные произведения, вполне применим и к таким особым системам, как теории, гипотезы и т. п. Выявить детерминанту той или иной теории чрезвычайно важно для адекватного постижения ее сути, для объяснения многих аспектов путем выведения их из одного — определяющего.

В этом легко убедиться на примере двух вариантов интерпретации концепции Ф. де Соссюра (в главе восьмой и в главе девятой). Первоначально теория

Ф. де Соссюра — родоначальника структурализма — излагается исходя из развешиваемого им представления о языковой системе как совокупности отношений. Однако при более глубоком рассмотрении оказывается, что сведение языка к структуре является у Ф. де Соссюра логическим следствием его методологической установки рассматривать язык безотносительно к естественным вещам и их отношениям.

Как видно, теория языка немало зависит от того, учитывается ли в полной мере его *взаимодействие со средой*, в которой он существует. Того же требует и функциональный подход к языку: его функции и внутреннее устройство задаются запросами трех надсистем — *физической, социальной, психической*.

Поэтому в предлагаемой вниманию читателей книге автор берет за основу данное В. фон Гумбольдтом определение языка, согласно которому *язык* представляет собой *особый мир — посредник между миром внешних явлений* (природой, вселенной, универсумом) *и внутренним миром человека* (его духом, его психикой, его мышлением) [Гумбольдт 1984: 304–305].

Благодаря своему посредничеству между миром и человеком язык, опираясь «на совокупность человеческой духовной силы», отражает в себе мир [Там же: 66, 320; 1985: 401] и «становится для говорящей на нем нации органом постижения мира, возникновения и формирования идей, импульсом для развития духовной деятельности человечества» [Гумбольдт 1985: 386].

Следовательно, во взаимодействии с миром внешних явлений и внутренним миром человека язык — неотъемлемая составляющая этого внутреннего мира — отнюдь не пассивен. Поскольку «...закономерностям природы сродни закономерности языкового строя» [Гумбольдт 1984: 81], человек, утверждает В. фон Гумбольдт вслед за Э. Б. де Кондильяком, «живет с предметами так, как их преподносит ему язык» [Там же: 80].

Еще очевиднее конструктивная роль языка в отношении мышления. Хотя в нераздельном и неслиянном единстве языка и мышления определяющим является мышление с его законами и потребностями, язык в свою очередь представляет собой «образующий орган мысли» [Там же: 75]. Вне языка «...мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [Там же]. Поэтому сам В. фон Гумбольдт намеревался 1) «исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме — не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия», 2) рассмотреть «весь путь, по которому движется язык — порождение духа, — чтобы прийти к обратному воздействию на дух» [Там же].

Рассмотрение языка во взаимодействии с миром внешних явлений и внутренним миром человека дает возможность четко *отграничить синтезирующие лингвистические концепции от аспектирующих*.

Синтезирующие концепции исходят из ***триединства мира внешних явлений, внутреннего мира человека и языка***. Соответственно, сущность языка

усматривается в том, чтобы «отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [Гумбольдт 1984: 315].

Аспектирующие концепции пытаются рассматривать язык в отвлечении *либо от внешнего мира, либо от внутреннего мира человека, либо* и вовсе *«имманентно» — безотносительно к обоим этим мирам*, так чтобы язык предстал наконец не конгломератом внеязыковых (физических, физиологических, психологических, логических, социологических, исторических) проявлений языка, но «организованным целым с языковой структурой как ведущим принципом» [Ельмслев 1960в: 260]. Поскольку же до Ф. де Соссюра господствовали «трансцендентные» виды лингвистики, «по этой причине история теории языка, — считает Л. Ельмслев, — не может быть прослежена — она слишком непоследовательна» [Там же: 268].

Тем не менее выполненное автором исследование философско-лингвистических взглядов на соотношение бытия (Б), мышления (М) — как важнейшего проявления внутреннего мира человека — и языка (Я) дает возможность впервые выявить *7 этапов в эволюции общей теории языка: в направлении от изначального синкретизма бытия, мышления и языка (по Пармениду) к натуроцентризму (модисты), далее к логоцентризму (авторы Пор-Рояля), через синтез (с одной стороны, В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, с другой — Э. Сепир и Б. Ли Уорф, подготавливающие следующий этап) к лингвоцентризму (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев и в целом структурализм), наконец к новому синтезу во взаимодействии лингвистики с когнитивными науками (Г. П. Мельников, А. Д. Кошелев).*

Вполне закономерно вторичность языка по отношению к бытию осознается раньше, чем его зависимость от мышления, а влияние языка на мышление заметили до того, как утвердилось представление об определяющей роли языка в членении и восприятии человеком действительности. Не случайно объяснение грамматического строя как основы языка сначала ищут во *внешнем* мире (модисты), затем во *внутреннем* мире человека (авторы Пор-Рояля, Э. Б. де Кондильяк, В. фон Гумбольдт) и лишь потом в самом *языке* (структуралисты).

После синтезирующей концепции В. фон Гумбольдта общая теория языка приобрела, казалось, статус самостоятельной научной дисциплины. Однако многие поднятые им вопросы нуждались в дальнейшей разработке. Прежде всего это касалось определения *предмета языкознания* как науки. Чтобы его определить, на протяжении XIX–XX вв. появляется целый ряд аспектирующих учений, стремящихся постичь язык в отвлечении от человека, от диалектического *единства* в нем и в его языке *природного* и *социального*, *физического* и *психического*, *объективного* и *субъективного*, *общественного* и *индивидуального*.

В самой последовательности аспектирующих теорий языка тоже есть своя логика: сначала в языке усматривают *природный организм* (А. Шлейхер), затем — *психофизическое образование* (младogramматики) и лишь позднее — *чисто психическое явление* (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев).

Шумный успех идей Ф. де Соссюра немало способствовал интенсивному развитию структурализма на протяжении XX в. В то же время долгое господство структурализма в языкознании отчетливо обнаружило, насколько недостаточно ограничивать анализ структурой языка безотносительно к внешнему и внутреннему миру человека. Явная ущербность узко понимаемого структурного подхода с преимущественной ориентацией на формальный метод становится особенно непереносимой по мере всё большего осознания первостепенной значимости *семантической стороны* языка. Ведь ее постижение невозможно без обращения к миру внешних явлений и его отражению во внутреннем мире человека. Это понимали уже в пражской школе структурной лингвистики. Не случайно в ее концепции ясно прослеживаются тенденции синтезирующего толка.

Еще определеннее они дают о себе знать в концепции Н. Я. Марра, нацеленной на анализ возникновения и развития языка—мышления, в том числе его содержательной (семантической) стороны, в увязке с историей материальной культуры. В своей генетической семантике Марр связывает последовательность осознания предметов в процессе творчества человеческой культуры с появлением соответственных словесных знаков, при этом слова объективного порядка возникают раньше субъективных, а среди частей речи глагол в силу большей отвлеченности формируется позже имен и их заместителей.

Поворот к семантике выявил свою плодотворность в концепции Э. Сепира. Утверждая, что никакое человеческое суждение немислимо вне связи с конкретным чувственным миром, Э. Сепир выделял два основных базовых класса языковых значений — *конкретные* значения (предмета, действия, качества) и *чисто абстрактные* (*чисто-реляционные*) значения.

Шагом к синтезу является и предложенная Э. Сепиром и Б. Л. Уорфом теория лингвистической относительности понятийных систем. Вопреки Ф. де Соссюру, полагавшему, что естественные вещи и их отношения не имеют отношения к действительности и ее отражению в мышлении, Сепир и Уорф отнюдь не пренебрегают триединством бытия, мышления и языка. Только в отличие от В. фон Гумбольдта ведущую роль в этом триединстве отводят языку. В частности, Б. Л. Уорф исходит из влияния грамматики как на теоретическое мышление, так и на восприятие и членение реальной действительности.

Не вызывает сомнения синтезирующий статус учения Г. Гийома. Обусловленное великим противостоянием Универсума и Человека отношение всеобщего и единичного в языковом сознании в свою очередь приводит к порождению материи и формы и далее — к образованию общих и частных грамматических категорий либо в универсуме Время, либо в универсуме Пространство, определяя таким образом всю структуру языка.

Исходя из малого противостояния Человек / Человек, Г. Гийом всесторонне обосновывает противоположение языка и речи в речевой деятельности.

Дух синтеза, присущий концепции Э. Бенвениста, предопределяется выделенными им детерминантными свойствами языка, в первую очередь тем, что язык

имеет знаковую природу, сочетая два способа означивания: *семиотический*, свободный и независимый от всякой референции, и порождаемый речью *семантический*, основанный на всех референтных связях.

Благодаря семантическому способу означивания язык способен выполнять свою первую (и основную) функцию — воспроизводить действительность.

На пути к целостной концепции языкового знака особое место занимает синтезирующее по сути учение К. Бюлера.

В сравнении с последовательно синтезирующими теориями языка и лингвистическими концепциями с очевидной направленностью к синтезу завоевавшая мир концепция Н. Хомского таковой не является. Знаменитый ученый рассматривает язык как биологический объект, биологический орган вне отношения к внешнему миру, включая социальный, а потому его теория имеет выраженный аспектирующий характер.

Тем актуальнее становится задача нового синтеза в теоретической лингвистике, о настоятельной необходимости которого уже в 60–70-х гг. прошлого века писал Г. П. Мельников. По его заключению, сформулированному им в докторской диссертации (1990), «на современном этапе развития науки господствовавшие до недавнего времени тенденции ко всё большей дифференциации научных дисциплин сменились тенденциями к их интеграции. Лингвистика, с такой ее отраслью, как типология языков, стала важным компонентом нового синтезирующего направления, за которым начинает закрепляться название “когнитивные науки”». Разработку общих принципов типологии Г. П. Мельников рассматривает в качестве основы для интеграции многообразных типологических концепций [Мельников 2003: 85].

С 1990 г. прошла еще четверть века. В последнее время с призывом к синтезу в теории языка регулярно обращается А. Д. Кошелев. В связи с выделением и развитием когнитивной науки в самостоятельную область знания, вобравшую в себя достижения многих смежных с языковедением научных дисциплин, новый синтез, согласно А. Д. Кошелеву, *должен осуществляться на основе когнитивного подхода к языку*, тем более что именно языку принадлежит ведущая роль в когнитивной сфере. Только так удастся преодолеть кризисные явления как в когнитивной науке, так и в теоретической лингвистике [Кошелев 2013а; 2013б; 2014а; 2015б] и вновь вернуться к решению задачи, поставленной когда-то В. фон Гумбольдтом, — «рассмотреть язык с точки зрения разносторонних связей человека» [Гумбольдт 1985: 348].

Чтобы преодолеть кризис лингвистики, когнитивной науки и, шире, кризис субъекта [Гиренок 2015: 12], программа нового синтеза не может не учитывать опыт предшествующих синтезирующих учений Платона, В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Гийома, Г. П. Мельникова, ибо они являются *«последовательными стадиями развития системы знаний об объективных сущностных характеристиках объекта»* и, значит, выполняют функцию формирования методологии данной науки, в частности языкознания [Мельников 1986: 14–15].

В целях определения методов исследования при осуществлении следующего синтеза нелишне также иметь в виду, что, согласно А. А. Потебне, цель любой науки — *объяснить* исследуемые явления и *прогнозировать* ее дальнейшее развитие, а это невозможно без опоры на историзм познания. Ведь «основной вопрос всякого знания — *откуда* и, насколько можно судить по этому “откуда”, *куда* мы идем» [Потебня 1968: 503].

Вот почему нельзя продолжать игнорировать вклад отечественных создателей синтезирующих лингвистических учений — от А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ до Г. П. Мельникова и А. Д. Кошелева.

Напомню, что у истоков современной когнитивной науки стоял А. А. Потебня, который видел в языке *средство познания и систему приемов познания* [Потебня 1981: 133; 1976: 259], а в *форме существования языка — деятельность, направленную к познанию человеком мира и самого себя, слагающую и постоянно развивающую мирозерцание и самопознание человека* и тем самым *меняющую отношение личности к природе* [Потебня 1981: 113; 1976: 171]. Немаловажно, что именно А. А. Потебня четко разграничил *внеязычное (мыслительное)* и *языковое содержание* [Потебня 1976: 263; 1977: 119; 1958: 17–19, 36]. Он же осуществил *синтез сравнительного и исторического методов*.

И. А. Бодуэн де Куртенэ последовательно учитывает *взаимодействие языка с надсистемами*, в которых он существует. По Бодуэну, человек принадлежит одновременно ко вселенной, к органическому миру и к миру психосоциальному [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 191]. В социальном общении между людьми с помощью языка задействованы четыре мира: *психический мир* индивида, *биологический* и *физиологический мир* данного организма (и других членов языковой общности), *внешний физический мир* и, наконец, *социальный мир* [Там же, II: 191–192].

Языковое знание, т. е. «воспринимание и познание мира в языковых формах» [Там же, II: 95], включает «знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психического и социального (общественного)» [Там же, II: 312].

Так как «психический мир не может развиваться без мира социального, а социальный мир зависит от коллективного существования психических единиц» [Там же, II: 191], Бодуэн говорит о едином психосоциальном мире и постоянном психическом существовании индивидуального и коллективного начал в языке.

Языкознание — дисциплина психосоциальная, как и другие науки о человеке (биология, антропология, психология, социология, этнология и т. д.), полагает Бодуэн, находится *на границе между естественными и гуманитарными науками* — ввиду их обращенности, с одной стороны, к внешнему миру, к природе, а с другой — к личности, к психике человека [Там же, II: 326].

Разграничив индивидуальный и коллективный язык, Бодуэн раскрыл их единство и взаимодополнительность, показал диалектическую взаимосвязь общечеловеческого, этнического (национального) и индивидуального.

Хотя в становлении индивидуального языка участвуют два фактора — *наследственный* (биологический и психологический [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 195]) и *социальный*, Бодуэн не приемлет биологический детерминизм, проявившийся когда-то в концепции А. Шлейхера, а в наши дни — в учении Н. Хомского. Согласно Бодуэну, «язык не может быть унаследован» [Там же, I: 335] и «отдельные языки ни в коем случае не суть нечто само по себе врожденное» [Там же, II: 139]. Строго различая биологическое и социальное в образовании индивидуального языка, Бодуэн на первый план выводит социальное начало, ибо «наследственность является биологическим фактором, тогда как каждый индивид приобретает язык путем социального общения» [Там же, I: 335]. Такая точка зрения и поныне является господствующей в отечественной науке.

Особая заслуга И. А. Бодуэна де Куртенэ состоит в том, что он первым разработал вполне современное учение *о системе* языка, не сводя ее, в отличие от Ф. де Соссюра, исключительно к совокупности отношений, т. е. к *структуре*, и рассматривая каждый данный момент «в связи с полным развитием языка». К Бодуэну восходят сегодняшние представления о языковой системе как целостной совокупности взаимосвязанных единиц, об уровневой ее организации, о зависимости свойств языковых единиц от их места в системе, об иерархии единиц, о типах отношений между ними, о механизмах их выделения и функциях, о характере и пределах вариативности, требующей различения инвариантных, как теперь говорят, единиц и их манифестации.

Следуя «систематике языков», синтезирующей в учении И. А. Бодуэна де Куртенэ разноаспектные их классификации, Г. П. Мельников последовательно развивает идеи системной лингвистики и на основе достижений *системологии* разрабатывает свою синтезирующую версию теории языка — *системную типологию языков*, ее принципы и методы.

Г. П. Мельников видит в языке прежде всего *коммуникативное устройство*. Выполняющий коммуникативную функцию язык (языковое сознание) представляет собой «средство превращения несоциализированного сознания в социализированное в каждом индивидуальном сознании» [Мельников 2003: 98].

Взаимоотношения индивидуального и социального сознания зависят, по мысли Мельникова, от особенностей языкового коллектива как надсистемы по отношению к языку и от условий речевого общения во времени и пространстве в мире как надсистеме высшего порядка по отношению к социальной среде. Наивысший уровень системности образуют *социально значимые характеристики* — 1) *особенности языкового коллектива*, в котором формировался данный языковой тип: *величина* коллектива, *однородность* — *разнородность* (смешанность) его состава, *оседлый* — *неоседлый образ жизни*; 2) *режим общения* во внешнем мире — его *прерывность* — *непрерывность* во времени и пространстве. Именно эти характеристики обуславливают специфику морфологического строя различных типов языков и свойственный им *коммуникативный ракурс*, который выявляется в особенностях смысловой схемы типовых высказываний.

Мельников различает *четыре главных коммуникативных ракурса* и соответственно *четыре внутренние детерминанты* (внутренние формы, в определении Гумбольдта), которые характеризуют морфологические типы языков, выделенные Гумбольдтом: *обстановочная* — инкорпорирующий тип, *качественно признаковая* — агглютинирующий тип, *событийная* — флективный тип, *окказиональная* — корнеизолирующий тип.

Степень близости индивидуальных сознаний у членов языковых коллективов различается в зависимости от морфологического типа языка. Она является наибольшей у говорящих на инкорпорирующих языках, ниже у носителей агглютинативных и тем более флективных языков, наименьшей — у носителей корнеизолирующих языков.

Г. П. Мельников осуществляет *синтез морфологической классификации языков со стадийной* [Мельников 2000], что согласуется с учением В. фон Гумбольдта о развитии грамматических форм — от отсутствия форм через их аналоги к подлинным формам [Гумбольдт 1984: 343–344].

А. Д. Кошелев делает следующий важнейший шаг — к *синтезу когнитивной и языковой способностей* в их взаимосвязанном развитии, к системному единству *универсального и специфического, абстрактного и конкретного* в языке. Он исходит из закономерностей в познании объекта — *от нерасчлененного самого общего представления об объекте к выделению в нем отдельных аспектов* и далее к *синтезу* накопленных таким образом *знаний о различных сторонах объекта в системном целостном его представлении*.

Противопоставив универсальное специфичному, А. Д. Кошелев выделяет две глобальные парадигмы в эволюции теории языка — Универсальную и Лингвоспецифичную [Кошелев 2014в: 221]. В соответствии с развитием знания о языке они определяют цикл развития в направлении *от синкретичной целостности знания к развивающейся дифференциации универсальной и лингвоспецифичной парадигм и далее к системной целостности синтетической универсально-специфичной парадигмы*. Лингвистика XXI в. должна стать следующим этапом в развитии синтезирующих системных учений о языке [Там же: 228–232].

А. Д. Кошелев предлагает построить *заново всеобъемлющую всестороннюю теорию языка в синтетическом взаимодействии* лингвистики со всем кругом наук о человеке, что означает переход к *новой* единой когнитивной парадигме, не ограниченной традиционно выделяемыми когнитивными науками [Кошелев, в печати: 45–46].

Руководствуясь новым пониманием когнитивного подхода, с конца XX в. А. Д. Кошелев осуществляет референциальный анализ лексики и элементов сенсорной грамматики [Кошелев 1996].

Как пишет автор в своей итоговой анализируемой здесь книге (она готовится к печати), он исходит из того, что «наряду с функцией общения язык несет и другую (столь же важную) функцию: описание воспринимаемой действительности... которая не может эффективно реализовываться без референциальных значений.

Эти же значения (а не чисто языковые) лежат в основе языковой классификации действительности» [Кошелев, в печати: 189].

Придерживаясь когнитивного направления, А. Д. Кошелев дополняет референциальный подход к сенсорным элементам концептуальным. Поскольку первыми у ребенка формируются родовые категории, внимание автора сосредоточено на базовых концептах, т. е. на когнитивных понятиях, задающих родовые категории [Там же: 197]. Помимо визуальной формы предмета и визуального действия с ним, в формулу базового концепта, согласно А. Д. Кошелеву, должны быть включены две функциональные характеристики — *функция предмета* и *психофизическое состояние человека*, осуществляющего данное действие. Первая характеристика относится к предмету, вторая — к человеку [Там же: 200]. Под психофизическим состоянием автор понимает «нейронный код долговременной памяти..., фиксирующий типизированное текущее действие человека, т. е. двигательный концепт» [Там же: 221]. Так *в формуле базового концепта мир внешних явлений оказывается связанным с внутренним миром человека*.

Вслед за сенсорной лексикой автор рассматривает значение простого сенсорного предложения, в котором все слова являются сенсорными и употреблены в основных значениях [Там же: 283]. Учитывая, что «...важнейшими для человека внешними событиями являются наблюдаемые (текущие) изменения, происходящие в окружающем мире», «...исходными когнитивными единицами представления действительности и являются для человека элементарные изменения», иначе говоря, предметно-двигательные события [Там же: 284]. Первоначально человек воспринимает их синкретично. В классе визуально и функционально сходных событий «каждое событие непосредственно распознается как тождественное протоконцепту», т. е. обобщенному событию, отражающему внешний облик и интерпретацию наиболее типичных событий класса [Там же: 285].

Главное свойство детских протоконцептов — синкретизм, синтез различных характеристик, так что «ребенок и не может ни манипулировать мысленно этими характеристиками, ни называть их по отдельности, только — в совокупности» [Там же: 289]. В процессе развития протоконцепт делится на предметную и двигательную части. Далее двигательная часть членится на двигательный концепт и отдельные роли. Затем начинается этап интеграции. «Тем самым синкретичный протоконцепт преобразуется в систему концептов (своих частей)» [Там же: 290].

Как видно, по А. Д. Кошелеву, в развитии детских представлений о мире действует тот же фундаментальный принцип, что и в эволюции общей теории языка.

В заключение анализа сенсорного предложения А. Д. Кошелев предлагает новое понимание *когнитивного языка мысли*. Оно опирается на различение единиц двух уровней — *перцептивного* и *концептуального*. Несмотря на отличия в составе единиц на данных уровнях, элементы и конструкции концептуального уровня (вплоть до значения предложения), будучи сенсорными, подобно элементам перцептивного уровня обладают структурой «визуальный Прототип ← Интерпретация». Соответственно, в определении А. Д. Кошелева, «концептуальные единицы суть

структуры перцептивных и функциональных единиц, их интерпретирующих» [Кошелев, в печати: 306–307].

На основании проведенного в книге анализа автор предлагает следующую диахроническую формулу языка:

«Естественный язык = Сенсорный подязык $\Rightarrow$ Производный язык, где стрелка $\Rightarrow$ обозначает метафорические и метонимические переносы основных значений единиц сенсорного подязыка» [Там же: 307].

Эта формула имеет *фундаментальный* характер. В частности, она «позволяет объяснить диахронический процесс усвоения ребенком родного языка» [Там же] в социальном общении, прежде всего с матерью, благодаря их «совместным намерениям» [Томаселло 2011: 31, 69, 77–78 и др.].

Углубленный анализ языка в синтезирующих концепциях Г. П. Мельникова и А. Д. Кошелева, по сути, подготавливает разрешение кризиса в языкознании и когнитивных науках, требуя отказа от Вавилонского подхода [Мельников 2000; Кошелев 2013б], которым отличаются в своих исследованиях разнородные аспектирующие концепции современности.

И последнее — о собственном вкладе в теорию языка автора данной книги.

1. С единых позиций реконструированы и описаны ключевые философско-лингвистические и лингвистические концепции. *Исходя из триединства мира внешних явлений, внутреннего мира человека и языка, из взаимодействия языка со средой (физической, социальной, психической) выявлена достаточно строящая последовательность в эволюции общей теории языка* [Зубкова 1999/2003; 2002/2003; 2015], уточненная в данной книге.

2. В свете таких сущностных свойств языкового целого, как *членение, категоризация, иерархия* в членении и категоризации, разработано *системное обоснование внутреннего строя языка как единства плана содержания и плана выражения*.

Впервые определены универсальные и типологические закономерности фонемной структуры слова как значащей единицы, связанной иерархическими отношениями с предложением и морфемой.

Изучив основные типы словесных знаков: семиологические классы слов, включая базовые части речи (имена существительные и глаголы/предикативы), словообразовательные макропарадигмы (непроизводные слова и дериваты разных ступеней мотивированности), лексико-семантические категории (полисемии, синонимии, антонимии), автор доказывает, что «согласованность между звуком и мыслью» (по В. фон Гумбольдту), между означающим и означаемым как принцип знака заложена в категориально-иерархической организации обоих планов языка. Будучи языковой универсалией, категориально-иерархическая организация словесных знаков различных типов принимает разные формы в зависимости от *способа грамматической категоризации и глубины иерархического членения* языкового целого, причем типологическая неоднородность языка способствует реализации принципа знака.

Итак, **язык по своей внутренней организации есть категориально-иерархическая система знаков**. Любой знак (включая и непроемодный словесный знак) представляет собой *коррелят* той системы, членом которой он является. Поэтому **языковой знак есть системно мотивированная двусторонняя сущность** [Зубкова 1978; 1990; 1999/2003; 2010; 2015: 643–709].

* * *

Уникальный опыт синтезирующего всеохватного подхода к языку в отечественной лингвистической традиции отнюдь не случаен. Он проистекает от свойств русской ментальности и русского языкового мышления [Колесов 2004], из своеобразия русского стиля научного мышления [Флоренский 1990: 125–126], во всяком случае в гуманитарных науках и в философии [Степанов 1997: 352]. Русская философская мысль движима идеями целостности и всеединства. По словам В. В. Зеньковского, «русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [Зеньковский 1991, I, ч. 1: 17].

Благодарности

Первые слова моей благодарной любви и самой нежной признательности моим удивительно доброжелательным заботливым родителям и необыкновенно милосердной сестре. По сути, мамочке, папуле и Нинусе я обязана всем — и тем, что живу, и тем, чего удалось добиться в науке.

Когда я слегла, своим терпением, заботой и самоотверженностью Ниночка буквально спасла меня, как раньше спасала маму и папу.

Ниночка целиком и полностью подготовила к печати две мои недавние книги, выпущенные издательством ЯСК, и заставила внести в них правку. К сожалению, последнюю, посвященную ей монографию Ниночка так и не увидела: коварный недуг сразил ее, а я не сумела спасти ей жизнь. Остался только живой свет ее души...

Я глубоко признательна сотрудникам издательства ЯСК, взявшим на себя инициативу выпуска данной книги, тем более что и в ней немалая доля труда Ниночки.

Прежде всего большое спасибо директору издательства Михаилу Ивановичу Козлову и главному редактору Алексею Дмитриевичу Кошелеву.

Особая признательность всем, кто непосредственно работал с рукописью и оформил книгу: Сергею Александровичу Жигалкину, Елене Александровне Морозовой, Татьяне Юрьевне Фроловой, Ирине Владимировне Богатыревой, Евгении Николаевне Зуевой.

Искренне благодарю милую Веру Владиславовну Столярову: она от начала до конца всё направляла и согласовывала. Своевременный выход в свет этой книги — бесспорная ее заслуга.

ВВЕДЕНИЕ

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

1. ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой — душа и мысль моя.
Афанасий Фет

Язык — это мир, лежащий
между миром внешних явлений
и внутренним миром человека.
Вильгельм фон Гумбольдт

История общелингвистических представлений может быть поучительна во многих отношениях. Во-первых, потому, что в языке объективируется знание и язык является важнейшим средством фиксации, хранения и передачи информации из самых разных областей знания о *мире*. Во-вторых, потому, что язык неразрывно связан с мышлением и, следовательно, история языкознания наряду с историей логики могла бы служить познанию форм и законов *мышления* в его эволюции. В-третьих, потому, что эволюция общелингвистических представлений отражает общий ход познания сущности самого *языка*.

Однако существует мнение, будто общая теория языка настолько непоследовательна, что ее эволюцию невозможно проследить [Ельмслев 1960в: 268]¹. Такое мнение может показаться вполне правомерным, если сравнить исходные принципы основных лингвистических направлений последних двух столетий и вспомнить, как яростно ниспровергаются время от времени все предшествующие теории языка и как меняется определение самого предмета лингвистики в разных направлениях.

¹ В квадратных скобках даются ссылки на работы, включенные в список литературы. После имени автора работы и года ее издания, если необходимо, римскими или арабскими цифрами указывается том, книга и т. д. Далее после двоеточия обозначены номера страниц. Разные работы, а также тома разделяются точкой с запятой.

Для всего этого периода характерно настойчивое стремление понять сущность языка как предмета *самостоятельного* исследования. В самом начале XIX в. В. фон Гумбольдт впервые ставит задачу определить язык «сам по себе и для себя», «как цель в самом себе» [Гумбольдт 1985: 348, 377]. В середине того же столетия с призывом изучать язык «как таковой», «как самоцель» выступает А. Шлейхер [Schleicher 1850: 1; 1869: 120]. В начале XX в. в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра звучит та же мысль: *«единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»* [Соссюр 1977: 269]. Но что такое язык в самом себе и для себя, язык как самоцель, язык как таковой, понимается далеко не одинаково. Для В. фон Гумбольдта изучить язык сам по себе и для себя значит «рассмотреть язык с точки зрения разносторонних связей человека» [Гумбольдт 1985: 348]. С позиций А. Шлейхера лингвистическое изучение языка должно быть ограничено «естественными» свойствами, сближающими его с природными организмами, а с точки зрения Ф. де Соссюра — за основу следует принять структурные характеристики.

Наблюдаемая непоследовательность лингвистических учений может быть объяснена по-разному. С одной стороны, можно вслед за Ф. де Соссюром всё свести к *субъективному* фактору, полагая, что «в лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, ...здесь точка зрения создает самый объект» [Соссюр 1977: 46], а значит, сколько точек зрения, столько и «объектов». С другой стороны, признав объективно-онтологическую природу языка, можно объяснить непоследовательность лингвистической теории сложностью, многомерностью, многосторонностью самого объекта, вследствие чего основу научного описания языка могут составить разные его свойства. Впрочем, в отсутствие должного обоснования выбор того или иного свойства в качестве определяющего не свободен от элемента случайности и субъективного произвола. В результате вновь и вновь раздаются заявления, что до сих пор язык изучали «с чуждых ему точек зрения» [Там же: 54].

Поскольку понимание сущности исследуемого объекта — в данном случае языка — зависит не только от субъективных способностей и установок исследователя, но прежде всего от особенностей самого *объекта*, немаловажное значение приобретает лингвистический кругозор исследователей, их ориентация на те или иные *конкретные языки*. Известно, например, что многовековой «европоцентризм» общей теории языка определенно сказался на представлениях о его строе, о том, какие языковые единицы и грамматические категории являются универсальными.

Вклад частного языкознания в общелингвистическую теорию тоже зависит от объекта исследования. Так, весомый вклад русистики в общее языкознание, в разработку основ современных представлений о внутреннем строе языка в значительной мере предопределен системными свойствами русского языка, а именно — высокой степенью грамматичности и членораздельности в условиях последовательной грамматической категоризации.

Указанные свойства русского языка явились важнейшими предпосылками для того, чтобы прежде всего на его материале учеными, воспитанными в русской или, шире, славянской лингвистической традиции, — А. А. Потебней, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Н. В. Крушевским, Ф. Ф. Фортунатовым, Н. С. Трубецким, С. О. Карцевским, Р. О. Якобсоном и др. — были заложены основы современных системных представлений о внутреннем строе языка [Зубкова 2015: 729–736].

Наконец, понимание сущности языка в разных лингвистических направлениях явно зависит от того, насколько учитываются его связи, отношения и функции в *надсистеме*, в которой он существует и которую «обслуживает».

Предпринимавшиеся в XX в. попытки построения теории языка «с чисто имманентными целями» — безотносительно к естественным вещам и их отношениям (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев) и на антименталистской основе (Л. Блумфилд) — выявили свою несостоятельность и лишний раз доказали необходимость адекватного философского обоснования, в частности того, что является трансцендентным по отношению к языку, а что — имманентным.

Наука о языке, как справедливо настаивает А. А. Реформатский, нуждается в философских и методологических предпосылках понимания природы и роли языка среди явлений действительности [Реформатский 1987: 20–21]. Не случайно сам Александр Александрович свой курс «Введение в языковедение» начинает именно с объективно-онтологических характеристик языка: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения. Без языка человеческое общение невозможно, а без общения не может быть и общества, а тем самым и человека. Без языка не может быть и мышления, то есть понимания человеком действительности и себя в ней» [Реформатский 1967: 7]. Итак, по А. А. Реформатскому, язык, являясь важнейшим средством общения, оказывается в одном онтологическом ряду с *обществом, человеком и его мышлением*, отражающим понимание человеком *действительности и себя в ней*.

Следовательно, *языкознание в поисках своего предмета не может обойти основной вопрос философии* как учения об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру — *вопрос об отношении мышления к бытию, духовного, идеального к материальному, субъективного к объективному*. Исходное противоположение мира, универсума, вселенной человеку лежит в истоках языка и заключает в себе всё его содержание [Гийом 1992: 161–162]. Поэтому и определение языка как предмета языкознания должно опираться на то же «великое противостояние».

Такое определение, дающее ключ к сущности, семиотическим свойствам и функциям языка, было предложено В. фон Гумбольдтом, который является основоположником языкознания не потому, что положил ему начало, а потому, что заложил его основы. Согласно В. фон Гумбольдту, «сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [Гумбольдт 1984: 315]. «Вечный посредник между духом и природой», «язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Там же:

169, 304; выделено мною. — Л. 3.]. И это особый мир уже потому, что, будучи единством объективного и субъективного, «язык одновременно есть и отражение и знак, а не целиком продукт впечатления о предметах и [не целиком] произвольное творение говорящих» [Гумбольдт 1984: 320]. «Каждый отдельный язык есть результат трех различных, но взаимосвязанных воздействий: реальной природы вещей, ...субъективной природы народа, своеобразной природы языка» [Там же: 319]. Классический семантический треугольник, связывающий слово, реальный объект и мысль об этом объекте в сознании субъекта, является, таким образом, проекцией трех указанных воздействий.

Обращенность языка к внешнему миру и к человеку определяет основной, базовый характер языкознания (А. А. Потебня, Г. Гийом), его особое положение в системе наук, пограничное между естественными и гуманитарными, антропологическими науками (И. А. Бодуэн де Куртенэ).

Степень адекватности той или иной лингвистической концепции природе языка может оцениваться по тому, в какой мере при его анализе учтено единство и взаимодействие всех трех миров (реального, мыслительного, языкового) и соответственно насколько учтена взаимосвязь трех аспектов семиотики — семантики, прагматики и синтактики.

Основным звеном в триединстве мира, человека и языка является человек. Вот почему В. фон Гумбольдт включает языкознание в сравнительную антропологию как ветвь философско-практического человековедения, а И. А. Бодуэн де Куртенэ предостерегает от отвлечения языка от человека, чем грешат, по его мнению, многие языковеды, в их числе А. Шлейхер, Г. Штейнталь, младограмматики, а позднее, добавим, и такие структуралисты, как, например, Л. Ельмслев.

Ввиду неразрывной связи языка с его носителем особенно важное значение приобретает само понимание человека: признается ли единство человека и природы, единство индивида и общества, единство в человеке природного и социального, индивидуального и общественного, физического и психического, единство человеческой психики (бессознательного и сознания, познавательных и эмоционально-волевых компонентов сознания, чувственного и рационального отражения действительности), единство общего, особенного и отдельного в человеке, единство исторического процесса.

Представления о языке неотделимы от представлений о человеке и его отношении к миру в ту или иную эпоху. **Эволюция общей теории языка как посредника между миром и человеком отражает осознание растущей автономности человека с его внутренним миром и развивающимся самосознанием по отношению к познаваемой вселенной**, с одной стороны (ср.: [Потебня 1976: 170, 305, 409; Гийом 1992: 155]), **и последующее осознание автономности языка по отношению к мышлению** — с другой.

Это общее направление эволюции отчетливо прослеживается по указанным ниже ведущим концепциям, хотя отступления от генеральной линии (не всегда,

очевидно, должным образом осознаваемые) имелись с самого начала. Уже в античности, когда в споре древних о сущности именования впервые был поставлен вопрос об отношении языка к миру и человеку, о роли природного и человеческого начала в языке, сосуществовали весьма разнородные тенденции в понимании отношений между миром внешних явлений, внутренним миром человека и языком. Так, по заключению Ф. Бэкона, Эмпедокл, Анаксагор, Анаксимен, Гераклит и Демокрит «подчиняли свой разум природе вещей, между тем как Платон подчинял мир мыслям, а Аристотель подчинял мысли словам» [АМФ 1970: 220].

Основное направление в эволюции общей теории языка на протяжении выделенных мною семи периодов можно проследить по ключевым философско-лингвистическим и собственно лингвистическим учениям: античных мыслителей (I период), модистов (II период), авторов Пор-Рояля (III период), Э. Б. де Кондильяка, В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ (IV период), Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Э. Бенвениста (V период), Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева (VI период), Г. П. Мельникова, А. Д. Кошелева (VII период).

I. В античности с характерным для нее внеличностным, вещевистским, чувственно-материальным миропониманием, когда при нерасчлененности человека и природы на первый план всё же выступает природа и в человеке видят лишь ее частицу, когда идеальное мыслится вполне вещественно [Лосев 1988а; 1988б; 1990а], бытие, мышление и язык воспринимаются слитно, синкретично, во всяком случае более синкретично, чем в последующие эпохи, так что мыслимое и высказываемое отождествляется с сущим. Согласно Пармениду, «слово и мысль бытием должны быть: одно существует лишь бытие» (цит. по: [Богомолов 1985: 83]). То, что «категории бытия, мышления и языка осознаются античной философией в их единстве, но очень нечетко в их противоположности» [Троцкий 1996: 26], отразилось, в частности, и в толковании понятия *logos*, и в учении Аристотеля о категориях [Бенвенист 1974: 111].

II. В Средние века под влиянием христианского монотеизма античный принцип вещи, тела, природы сменяется принципом личности, общества, истории [Лосев 1992: 62]. С осознанием противоположности природы и человека, с одной стороны, и нераздельного и неслиянного единства души, ума и слова в человеке — с другой, осознается и вторичность языка по отношению к действительности.

В грамматическом учении модистов сами причины языкового строя усматриваются в естественной связи грамматики как основы языка с объективной реальностью. Грамматическая категоризация возводится к миру вещей. В языке как отражении реальной действительности и «грамматика берет свое начало от вещей». Поскольку же «...природы вещей и по виду и по существу одни и те же у всех», то и «логика одна и та же у всех, следовательно, и грамматика» (Иоанн Дакийский; цит. по: [Перельмутер 1991: 18, 14]). Таким образом, созданная модистами первая универсальная грамматика получает онтологическое обоснование и выводится из единства мира.

III. В Новое время под влиянием гуманистического мировоззрения эпохи Возрождения, проникнутого безграничной верой в человека и его разум, причины языкового строя начинают искать не в окружающей человека действительности, а в его внутреннем мире, прежде всего в разуме. Онтологическое обоснование языковой категоризации сменяется логическим. Появляются универсальные рациональные грамматики, авторы которых выводят грамматическую категоризацию из общих для всех народов и во все времена действий ума, операций рассудка, законов логического анализа мысли.

IV. Позднее в противоборстве рационализма с набирающим силу сенсуализмом наряду с признанием вторичности языка по отношению к бытию и мышлению всё более осознается влияние языка на формирование мысли и восприятие действительности, меняющееся в соответствии с историческим характером языка. Исходя из активной роли языковых знаков и отношений между ними в образовании идей, в развитии — на основе чувственного восприятия — воображения, созерцания, памяти, размышления, в языке начинают видеть формирующий мышление «аналитический метод» [Кондильяк 1980; 1983], «образующий орган мысли» [Гумбольдт 1984: 75], «систему средств видоизменения или создания мысли» [Потебня 1989: 227]. Тем самым признается человекообразующая, антропогенная природа языка. На нее указывали И. Г. Гердер, В. фон Гумбольдт, а позднее А. Шлейхер, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Э. Бенвенист, Г. Гийом.

1. Начиная с Э. Б. де Кондильяка анализ соотношения языка и мышления не ограничивается одними универсальными закономерностями, характеризующими язык и мышление вообще безотносительно к их идиоэтническим свойствам. Язык — не только условие формирования мышления вообще. Обнаруженная склонность народов к разным высшим видам мыслительной деятельности объясняется характером, «духом» языка. Одни языки, с точки зрения Э. Б. де Кондильяка, способствуют деятельности воображения, другие благоприятствуют анализу [Кондильяк 1980: 268–269]. Само постижение мира также, оказывается, зависит от языка: ведь люди «привыкли постигать вещи тем способом, каким эти вещи выражены на родном языке» [Там же: 264].

2. Наиболее полно диалектику языка в его отношении к миру и человеку раскрыл В. фон Гумбольдт, опиравшийся в своем учении о языке на достижения как рационализма, так и сенсуализма.

Гумбольдт признает конструктивную роль языка вообще и, более того, каждого отдельного языка в отношении мышления, особенно тогда, когда сам язык превращается в самостоятельную силу. По Гумбольдту, «мышление не просто зависит от языка, — оно до известной степени обусловлено также каждым отдельным языком», «различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1984: 317, 324]. Но при этом Гумбольдт вовсе не исключает изначального воздействия мышления на язык. Он различает в языковом мышлении и в собственно языковом содержании универсально-логический и идиоэтнический компоненты.

В согласии с рационалистической традицией Гумбольдт полагает, что общие законы языка и процесс употребления звуковой формы в основном обусловлены мышлением, его требованиями к языку, во внутренней форме которого осуществляется акт превращения мира в мысли. Формы мышления, сущность которого Гумбольдт видит в различении мыслящего субъекта и объекта мысли [Гумбольдт 1984: 301], соотнесены с языком в первую очередь через обозначение общих отношений, которые большей частью принадлежат непосредственно формам мышления и определяются интеллектуальной необходимостью. «Создание грамматических форм подчиняется законам мышления, совершающегося посредством языка» [Там же: 155]. Так как «общие, подлежащие обозначению отношения между отдельными предметами, равно как и грамматические словоизменения, опираются большей частью на общие формы созерцания и на логическое упорядочение понятий» [Там же: 103], Гумбольдт считает возможным говорить об общей для всех языков единой внутренней форме [Там же: 242].

Однако единство не означает тождества. Идиоэтнический компонент накладывает свой отпечаток не только на лексику (это влияние признавали и до Гумбольдта), но, что гораздо важнее, и на грамматическую категоризацию, формируя особое грамматическое видение. В конечном счете способ представления и категоризации понятий в грамматическом строении языка зависит, по Гумбольдту, от «способа укоренения человека в действительности» — его направленности на чувственное или рациональное восприятие. Индивидуальное своеобразие внутренней формы и, значит, языковой категоризации в каждом данном языке в большей мере сопряжено, по-видимому, с чувственным познанием действительности. Известное единообразие внутренней формы в языках мира имеет преимущественно рациональную природу.

Хотя объективная сфера, совокупность познаваемого независима от языка, заложенное в языке как отражении мировидение не может не влиять на восприятие действительности. Независимо от того, «...вкладывает ли народ в свой язык больше объективной реальности или больше субъективности», «...ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное... <...> Человек преимущественно — да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, — живет с предметами так, как их преподносит ему язык» [Там же: 104, 80]. И тем не менее, несмотря на самобытность заключенного в каждом языке мировидения, он приближает человека «к пониманию запечатленной в природе всеобщей формы» благодаря тому, что «...закономерностям природы сродни закономерность языкового строя» [Там же: 81].

3. Более радикальную позицию по вопросу об отношении языка к миру и человеку занимает А. А. Потебня.

В трактовке Потебни, отношение между мыслительными и языковыми категориями противоположно тому, какое предполагали рационалисты. Оценивая вклад языка в преобразование дословных элементов мысли и в само ее содержание, в создание отвлечений, Потебня приходит к выводу, что, будучи переходом

от бессознательности к сознанию, язык вторичен по отношению к мышлению, взятому в совокупности всех его форм, однако по отношению к сознательной умственной деятельности язык есть «первое по времени событие» [Потебня 1976: 69]; «лишь при помощи языка созданы грамматические категории и параллельные им общие разряды философской мысли; вне языка они не существуют и в разных языках различны» [Там же: 285]; «от того, каковы грамматические категории, зависит наше мышление, его общий характер, полнота и глубина; от различия этих категорий самое содержание мысли различно у разных народов, сродных между собою и находящихся в одних и тех же климатических и иных условиях» [Потебня 1973: 237–238].

Поскольку же язык — «изменчивый орган мысли», в нем «...нет ни одной неподвижной грамматической категории» — ни общей, ни частной [Потебня 1958: 83]. Исторический характер языка исключает универсальность языковой категоризации. Более того, согласно Потебне, осознававшему относительный характер языковых различий, их зависимость от места в составе целого, «нет ни одной грамматической и лексической категории, обязательной для всех языков» [Потебня 1976: 259].

Изменчивость и категориальное своеобразие языка не могут не повлиять на мировосприятие, на его упорядочение через посредство мышления. «Как в слове впервые человек сознает свою мысль, так в нем же прежде всего он видит ту законность, которую потом переносит на мир» [Там же: 164]. Через призму изменчивой индивидуальности языка «мир человечества в каждый данный момент субъективен; ...он есть смена мирозерцаний» [Там же: 422], и сама «личность, мое я есть тоже обобщение содержания, изменяющегося каждое мгновение» [Там же: 283]. Поскольку ход объективирования предметов, так же как содержание самосознания, постоянно изменяется и развивается, соответственно изменяется сам тип языкового мышления, а значит, и различение / неразличение и степень различения субъективного и объективного в процессе познания [Там же: 170, 420–421].

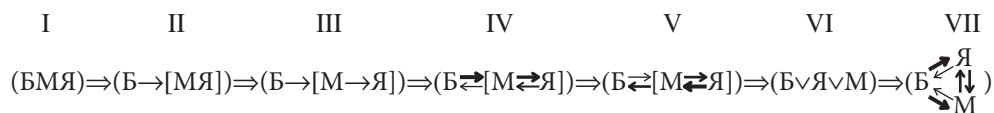
V. В концепциях XX в. — Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Э. Бенвениста — всё отчетливее утверждается мысль об определяющем влиянии языкового отражения и формального моделирования не только на мышление и организацию понятийных систем, но и на восприятие и членение реального мира (подробнее см. в [Зубкова 1999/2003]). В свете исторического характера и идиоэтнической специфики внутренней формы языка универсальность языковой категоризации всё чаще подвергается сомнению. Статус универсального в сущности признается только за фундаментальным семантическим противоположением лексического и грамматического, или, иначе, конкретных и чисто-реляционных значений, по Э. Сепиру, понятийных и структурных идей, по Г. Гийому. Данное противоположение, как показал Г. Гийом, строится на отношении всеобщего (универсального) и единичного, проистекающем из базового отношения Мир (Универсум) / Человек [Гийом 1992: 130, 162–163].

VI. Логическим развитием идей, заявленных в гипотезе лингвистической отнесенности, явился выдержанный лингвоцентризм, заложенный в исторически предшествующей концепции Ф. де Соссюра. Он исходит из того, что «естественные вещи и их отношения вообще не имеют отношения к лингвистике» [Соссюр 1977: 114], ибо «язык и письменность НЕ ОСНОВАНЫ на естественном положении вещей» [Соссюр 1990: 94].

После выхода в свет в 1916 г. «Курса общей лингвистики» учение Ф. де Соссюра пустило глубокие корни в лингвистике XX в. Наиболее последовательно принципы структурализма выразил Л. Ельмслев в своей книге «Пролегомены к теории языка» (1943).

VII. С расширением когнитивных исследований, когда структурализм исчерпал себя, появилась необходимость в новом синтезе путем восстановления триединства мира внешних явлений, мира языка и внутреннего мира человека. Такой синтез языкознания с когнитивной сферой с конца XX в. осуществляется в концепциях Г. П. Мельникова и А. Д. Кошелева. Схема VII периода преимущественно выражает более позднюю концепцию А. Д. Кошелева.

Схематически основное направление эволюции философско-лингвистических воззрений на соотношение бытия (Б), мышления (М) — как важнейшего проявления внутреннего мира человека — и языка (Я) можно представить так:

На протяжении первых трех «долингвистических» периодов наблюдается переход от синкретичного восприятия бытия, человека с его внутренним миром и языка (I) к осознанию первичности бытия, природы вещей по отношению к мышлению и языку, логике и грамматике (II) и, далее, к рациональному, логическому обоснованию языковой категоризации (III). В последующие два периода — со времени обретения лингвистикой самостоятельного научного статуса — наряду с признанием вторичности языка по отношению к бытию и мышлению всё более осознается обратное воздействие языка на формирование мысли и восприятие действительности, так что в гипотезе лингвистической отнесенности (V) определяющим фактором во взаимодействии бытия, мышления и языка в конечном счете оказываются не закономерности природы, как у В. фон Гумбольдта (IV), а язык. В периоде лингвоцентризма (VI) самодостаточность языка представляется максимальной. Реальное триединство бытия, внутреннего мира человека и языка на новой основе восстанавливается в современных синтезирующих учениях (VII).

Осознание самостоятельности языка происходит постепенно вместе с изменением понимания мира и человека и отношения человека к миру. Вполне закономерно, что вторичность языка по отношению к бытию была осознана раньше,

чем его зависимость от мышления, а влияние языка на мышление было замечено до того, как утвердилось представление об определяющей роли языка в членении и восприятии человеком действительности.

Указанной эволюцией взглядов на соотношение бытия, мышления и языка задается генеральное направление развития общей теории языка с античности до наших дней. В частности, в соответствии с изменением взглядов на соотношение бытия, мышления и языка эволюционирует и представление о функциях языка по отношению к бытию и мышлению. Первоначально в языке видят совокупность имен вещей и, следовательно, средство обозначения вещей, затем — средство выражения и передачи универсальной мысли. Только потом язык предстает как средство образования идей и, наконец, как средство членения и восприятия бытия, причем у каждого народа свое.

Сообразно с осознанием самостоятельности языка по отношению к миру и человеку объяснение грамматического строя как основы языка сначала ищут во внешнем мире (модисты), затем во внутреннем мире человека (авторы Пор-Рояля, Э. Б. де Кондильяк, В. фон Гумбольдт) и лишь потом в самом языке (структуралисты).

Так же постепенно — лишь по мере обретения человеком самостоятельности по отношению к природе, по мере роста его самосознания — в общей теории языка осознается, что триединство мира, человека и языка реализуется в единстве общего, особенного и отдельного. Поскольку человек — это и представитель рода, и представитель этноса, и самосознающий себя индивид, постольку различаются всеобщий человеческий язык (в отличие от языка животных), язык данного этноса (в отличие от других племенных и национальных языков), язык данного индивида (в отличие от языков иных членов той же этнической общности). Вследствие этого и мир в языковом отражении тоже многослоен: мировидение человека вообще отличается от отражения действительности у животных, мировидение данной нации отличает ее от других наций, мировидение данного индивида выделяет его среди остальных индивидов.

Диалектическое единство общего, особенного и отдельного в языке, вполне осознанное В. фон Гумбольдтом и И. А. Бодуэном де Куртенэ, в практику лингвистических исследований внедрялось поэтапно путем восхождения от абстрактного к конкретному. В логическом направлении предметом исследования был всеобщий человеческий язык (универсальная грамматика), в романтическом направлении и в этнопсихологии — национальные языки. Языки индивидов до недавнего времени находились на периферии лингвистических исследований. Хотя уже В. фон Гумбольдт конечную цель языка видел в индивиде [Гумбольдт 1985: 397], всё, в чем проявляется свободное самоопределение индивида — его чувства, воля, каприз, произвол, всё, что касается индивидуального использования языка, долгое время выводилось из языкознания либо в филологию (А. Шлейхер, Г. Пауль), либо во второстепенную часть внутренней лингвистики — лингвистику речи (Ф. де Соссюр). Даже если декларировалась необходимость изучать говорящего индивида, как это делали младограмматики, в центре внимания оказывался

языковой узус (и, значит, социальная природа языка), а отнюдь не язык индивида. Положение изменилось лишь во второй половине XX в., когда рост самосознания человека повлек за собой интерес лингвистов к «языковой личности». Объектом изучения всё больше становятся языки отдельных индивидов, и соответственно внимание исследователей с семантики и синтактики языковых знаков переключается на прагматику [Степанов 1985] и обыденное языковое сознание, в том числе метаязыковое, как ключ к языкам индивидов.

В целом такое понимание эволюции лингвистической мысли вполне согласуется с предложенным П. Тейяром де Шарденом определением эволюции как возращения сознания [Тейяр де Шарден 2002].

В этом плане названные этапы в развитии общей теории языка соотносительны, хотя и не совсем совпадают, с тремя типами неоплатонизма, эволюционировавшего от космологизма к теологизму и, далее, к антропоцентризму [Лосев 1978: 94–95], и с тремя парадигмами мышления — семантической, синтактической и прагматической, выделенными Ю. С. Степановым в науке о языке, философии и искусстве слова [Степанов 1985].

2. АСПЕКТУЮЩИЕ И СИНТЕЗИРУЮЩИЕ КОНЦЕПЦИИ

В понимании автора, *подлинно системное целостное знание о сущности языка достижимо лишь исходя из триединства мира, человека и языка, из единства разносторонних связей и свойств человека.*

Далеко не все рассмотренные ниже лингвистические концепции отвечают этим требованиям.

Логика естественного развития научного знания такова, что подавляющее большинство теоретических концепций носит аспектирующий характер. По определению Г. П. Мельникова, *аспектирующие концепции* акцентируют свое внимание на отдельных сторонах исследуемого объекта, и потому они часто противоречат друг другу. Неудивительно, что разработка каждой новой теории, выдвигающей на первый план очередной частный аспект языка в качестве самого важного, нередко начинается с отрицания либо одного из предшествующих аспектирующих направлений (ср.: младограмматическое направление в оппозиции к натуралистическому, неолингвистика в оппозиции к младограмматизму, гипотеза лингвистической относительности как антитеза рационалистической теории языка), либо всей «старой» лингвистики (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Л. Блумфилд, Н. Я. Марр).

Синтезирующие концепции «позволяют соотнести аспектирующие концепции на определенном уровне разработанности общих представлений об объекте, например о языке», и «перейти к более глубокому пониманию его сущности как органического целого». В отличие от аспектирующих концепций, синтезирующие «не могут оказаться *противоречащими* друг другу, отменяющими друг друга. Они должны быть последовательными *стадиями развития системы знаний об объективных сущностных характеристиках объекта* и, значит, выполнять функцию формирования

методологии данной науки, а не частных ее методов, как аспектирующие концепции» [Мельников 1986: 14–15].

В языкознании XIX–XX вв. к числу аспектирующих принадлежат, например, концепции А. Шлейхера, главы *натуралистического* направления; Г. Пауля, ведущего теоретика младограмматического направления, взявшего за основу *индивидуальную психологию* человека; Ф. де Соссюра, предтечи современного *структурализма*; *антименталиста* Л. Блумфилда; Н. Я. Марра, поставившего во главу угла *социальную природу языка*.

В понимании сущности языка как предмета самостоятельного лингвистического исследования названные концепции в большей или меньшей степени ограничиваются одним из частных аспектов, нередко пытаясь подвести под него все остальные. В результате язык сводится либо к естественным (природным), либо к индивидуально-психическим, либо к структурным, либо к социальным характеристикам. Соответственно языкознание определяется то как естественно-историческая, то как культурно-историческая, то как семиологическая, то как социологическая наука.

Так или иначе для всех этих концепций характерно *непонимание триединства мира, человека и языка, метафизическое противопоставление природного и социального, физического и психического, индивидуального и общественного в языке и его носителе — человеке*. Отсюда принципиальные расхождения указанных учений в определении отношения языка к миру и человеку, а значит, и в решении конкретных лингвистических проблем. Так, если для А. Шлейхера язык — это естественный организм, складывающийся под влиянием жизненных условий и среды обитания независимо от воли и произвола человека, то с позиций Ф. де Соссюра естественные вещи вообще не имеют отношения к языку и внешние условия не влияют на его внутренний организм, а в трактовке Н. Я. Марра любой язык является «искусственным созданием» общественности, неотделимым от материальной культуры. В случае отождествления языка с естественным, природным организмом в его развитии усматриваются циклы возникновения, роста, расцвета, старения и распада, аналогичные «возрастам» человека и чрезвычайно напоминающие фазы этногенеза в концепции Л. Н. Гумилева, который рассматривает этнос как явление биосферы [Гумилев 2002]. Если же за основу берется социальная сторона языка, то в его развитии на первый план выдвигаются социальные закономерности и, следовательно, социальный прогресс как определяющий фактор. Одностороннее сведение языка либо к природным, либо к социальным свойствам методологически одинаково неудовлетворительно, так как при этом игнорируется двоякая сущность человека и его языка — природная и социальная одновременно.

Недооценка *диалектического единства противоположностей в языке и его носителе*, непонимание действительного места данного аспекта в соотношении с остальными рано или поздно обнаруживают свою несостоятельность. С развитием языкознания ограниченность аспектирующих концепций с их односторонней ориентацией либо на семантику, либо на прагматику, либо на синтактику становится самоочевидной, и тем скорее, чем они последовательнее. Яркий пример тому —

суровая, даже уничтожающая и не во всем справедливая (а то и политизированная) критика в адрес А. Шлейхера и Н. Я. Марра.

Несмотря на известную ущербность аспектирующего подхода к изучению объектов действительности, на определенных этапах развития науки он не только неизбежен, но даже необходим. Он позволяет глубоко проанализировать и ярче высветить ту или иную сторону объекта, разработать специальные методы его исследования и, как в доказательствах от противного, лучше понять значение других сторон и таким образом подготовить базу для построения новых синтезирующих теорий. Наконец, анализ аспектирующих концепций весьма продуктивен в методологическом плане. Вот почему они требуют не менее внимательного и бережного отношения, чем синтезирующие, системные учения, в большей или меньшей степени ориентирующиеся на триединство мира, человека и языка.

Первый известный синтез в изучении языка был осуществлен Платоном на основе диалектического анализа в диалоге «Кратил» двух теорий именования — «природной» и «договорной». По существу, Платон предложил первую системную концепцию языкового знака, базирующуюся на единстве объективного и субъективного.

Самый значительный синтез в области общей теории языка — заслуга В. фон Гумбольдта. Его лингвистическое учение явилось синтезом двух сосуществовавших на протяжении многих веков тенденций в познании языка — рационалистической и сенсуалистической. Гумбольдт не просто закрепил, но глубоко обосновал взгляд на язык как на особый мир, выступающий посредником между миром внешних явлений и внутренним миром человека. Вскрыв диалектику взаимоотношений между языком и духом, языком и мышлением, языком как отражением и знаком, Гумбольдт своим учением о форме, основывающимся на деятельностной природе и функциональном предназначении языка, заложил фундамент современного системного подхода к языку в его отношении к миру и человеку.

Последующий синтез, реализованный в трудах А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ, позволил раскрыть специфику знаковой природы языка как исторически изменяющейся формы развивающейся мысли и выявить закономерности его системной организации.

К синтезирующим лингвистическим учениям XX в. принадлежат психосистематика Г. Гийома и системно-типологическая концепция Г. П. Мельникова. Они стали новым шагом на пути дальнейшего осмысления взаимоотношений языка и речи с миром внешних явлений и внутренним миром человека. Дух синтеза отличает также концепцию Э. Бенвениста. В ней показана неразрывная связь символичности и членораздельного характера языка с наличием содержания, проистекающим из органического единства языка и мышления.

Идеи синтеза весьма актуальны и для современного этапа развития лингвистики. Общая теория языка нуждается в новом системном осмыслении огромного фактического материала, накопленного как в самой лингвистике, так и в смежных областях знания, обращающихся к языку как объекту исследования. В последней работе А. Д. Кошелева в синтезе референциального подхода с концептуальным

язык предстает отражением чувственно воспринимаемой действительности, с одной стороны, и внутреннего мира человека, его мышления, его психофизического состояния — с другой.

Хотя поступательное развитие общей теории языка связано прежде всего с синтезирующими концепциями, в смене одной аспектирующей концепции другой также есть своя закономерность, за которой стоит общий ход познания, отражающий эволюцию как возрастание сознания. Не случайно, прежде чем было в полной мере осознано единство в языке природного и социального, физического и психического, сначала в нем выдвигается на первый план природное, физическое начало, и приверженцы натуралистического направления уподобляют язык природным организмам, полагая, что в нем действуют неизменные естественные законы, исключаящие волю и произвол человека. Затем младограмматики усматривают в языке психофизическое образование. И лишь позднее он квалифицируется как чисто психическое явление (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев) и как чисто социальное создание (Н. Я. Марр).

Таким образом, указанное выше основное направление эволюции общей теории языка прослеживается не только в последовательности синтезирующих учений, но и в смене одних аспектирующих концепций другими. А так как языковедное (лингвистическое) мышление определенно отражает сущностные свойства языка и языкового мышления, то эволюция общей теории языка в его отношении к миру и человеку, бытию и мышлению, очевидно, соотносится с «всеобщим движением языкового развития», с изменением на разных его этапах, как показали В. фон Гумбольдт и А. А. Потебня, степени автономности языка по отношению к духу и мышлению, соотношения объективного и субъективного в языковом мышлении.

Можно заметить, однако, что с развитием научного знания чисто аспектирующие концепции появляются реже. В XX в. аспектирующие концепции нередко обнаруживают синтезирующие черты. Таково, к примеру, новое учение о языке Н. Я. Марра, до сих пор привлекающее внимание лингвистов.

Свидетельством тому антология «Сумерки лингвистики», освещающая «один из самых сложных, противоречивых, но одновременно плодотворных периодов отечественного языкознания» [Сумерки лингвистики 2001: 2], в котором едва ли не доминирующее положение принадлежит марризму. Составители антологии в своем предисловии вполне адекватно показывают, как «парадигма “нового учения о языке” Н. Я. Марра» «оценивается—переоценивается с позиции дня нынешнего» [Базылев, Нерознак 2001: 16–19].

Достаточно взвешенную оценку концепции Марра дает акад. В. М. Жирмунский. В предисловии к тому своих «Избранных трудов» от 1.12.1967 г. он пишет: «Мне приходилось говорить неоднократно, что вся конкретная лингвистическая работа Марра в пору создания им так называемого “нового учения о языке” должна быть полностью и бесспорно отвергнута, поскольку она целиком построена на фантастической идее палеонтологического анализа всех языков мира по четырем первоэлементам. Однако это не значит, что в теоретических идеях и отдельных высказываниях

Марра, в большинстве случаев научно не разработанных и хаотических, не содержались творческие и плодотворные мысли, которым большинство из нас (в особенности ленинградских лингвистов) обязано общей перспективой наших работ. К таким общим установкам я отношу прежде всего борьбу Марра против узкого европоцентризма традиционной лингвистической теории, стадийно-типологическую точку зрения на развитие языков и их сравнение независимо от общности их происхождения, поиски в области взаимоотношения языка и мышления и то, что можно назвать семантическим подходом к грамматическим явлениям» [Жирмунский 1976: 8–9].

Принципиальное значение имеет переключение внимания на содержательную сторону языка–речи, на семантику. По Марру, «существо речи в содержании ее, а не в форме» [Марр 1933: 253]. «Сам предмет наш — речь, как объект исследования — не один, не простая единица, язык не один, а единый в диалектическом единстве языка–формы и мысли–содержания, языка–оформления с его техникой и мысли–содержания в качественной действительности, мышления с его техникой» [Марр 1936: 434]. Соответственно, по заключению Г. А. Климова, «...особенно в 40-х гг., контенсивно-типологические исследования составили магистральную линию развития типологии в СССР, в то время как итоги формально-типологических оказались весьма скромными. Следует отметить, что именно первым принадлежала ведущая роль в борьбе с безраздельно господствовавшим в ту эпоху европоцентризмом лингвистического описания разнотипных языков мира (в последнем плане далеко не все резервы контенсивной типологии использованы и современным языкознанием)» [Климов 1981: 107].

В этой связи попадают в поле зрения «особые отношения преемственности формы и содержания, благодаря которым нечто из старой стадии концепта становится знаком в его новой стадии», иначе говоря, эволюционные семантические ряды, по Ю. С. Степанову, или «функциональная семантика», по Марру [Степанов 1997: 56]. Проводя вслед за Э. Б. Тейлором наблюдения над параллельными рядами вещей и их наименований в естественном языке, «...Н. Я. Марру удалось выявить некоторую специфическую закономерность. <...> Суть этой закономерности состоит в том, что значения слов–имен изменяются в зависимости от перехода имени с одного предмета (или действия) на другой предмет, заменивший первый предмет в той же самой или сходной функции. <...> Наблюдения Н. Я. Марра — в общем виде — подтверждаются археологическими данными и данными о ритуалах» [Там же: 57].

Наконец, в основе своей идентичные две статьи Т. В. Гамкрелидзе в сущности реабилитируют Марра в том, что вызывало наибольшее неприятие в его учении — в идее языковых первоэлементов [Гамкрелидзе 1988; 2005]. Вторая статья представляет собой изложение доклада автора на международном коллоквиуме, организованном П. Серио в Лозаннском университете (Швейцария) и посвященном анализу и оценке наследия Н. Я. Марра. Вслед за организаторами Т. В. Гамкрелидзе квалифицирует марризм как *утраченную парадигму* и помещает ее между сравнительно-исторической грамматикой, с одной стороны, и синхронической

лингвистикой Ф. де Соссюра, обусловившей развитие ряда структурных учений, с другой стороны.

Такая переоценка концепции языковых первоэлементов была вызвана открытием генетического кода в молекулярной биологии: в 1953 г. американский биохимик Дж. Уотсон и английский биофизик и генетик Ф. Крик предложили структурную модель ДНК, пролившую свет на механизм наследственности. «...В генетическом коде информативен не отдельный элемент системы, не отдельный химический радикал, а особые комбинации этих исходных четырех нуклеотидов по три элемента, создающие так называемые “триплеты”. ...Можно составить всего 64 комбинации из четырех исходных элементов по три...» [Гамкрелидзе 1988: 3; 2005: 3–4].

Сходство открытого генетического кода с лингвистическим требовало объяснения. С точки зрения Р. Якобсона, обнаруженный изоморфизм двух кодов, в пересказе Т. В. Гамкрелидзе, «есть результат филогенетического конструирования языкового кода по модели, по образцу и структурным принципам кода генетического» [Гамкрелидзе 1988: 6; 2005: 5].

Задолго до открытия генетического кода Н. Я. Марр пытался объяснить единство глоттогонического процесса, сводя «исторически возникшее многообразие языков именно к четырем исходным элементам, состоящим, как это ни странно, из своеобразных звуковых троек» — *сал, бер, йон, рош* [Гамкрелидзе 1988: 7; 2005: 5].

«Эксплицитных и осознанных знаний о... структуре генетической информационной системы Марр иметь, конечно, не мог, как не могли ими обладать и те древнекитайские философы, которые примерно три тысячи лет назад разработали особую систему трансформаций четырех бинарных элементов, составленных из “мужского принципа” ян и “женского принципа” инь и сгруппированных по три, что дает всего 64 троичных последовательности, аналогичных генетическим “триплетам”. С помощью сочетания подобных “троек” и описывается в этой древнекитайской символической системе многообразие всего живого и устанавливаются соотношения между ними. В этой связи следует вспомнить об аналогичных системах с **четырьмя** элементами в космогонии ионийцев, с **четырьмя** состояниями человеческого тела, по Гиппократу. Эти символические системы, как и марровская модель языка, поразительно совпадают, вплоть до количественных параметров, со структурой генетического кода, выступающего, очевидно, в качестве их подсознательного субстрата» [Гамкрелидзе 2005: 5] (соответствующий текст в [Гамкрелидзе 1988: 7–8] расходится с процитированным лишь в деталях).

Открывавший дискуссию на коллоквиуме последовательный противник марризма В. М. Алпатов не мог не признать: «...Человек с замечательной интуицией, Марр часто мог что-то угадывать. Так, его идею о грядущей “революции” в языке, который “перерастает звуковую форму”, можно считать своеобразным предсказанием “визуальной революции” в передаче информации в XX веке» [Вельмезова 2006: 157].

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА С АНТИЧНОСТИ ДО КОНЦА XVIII В.

1. Место теории языка в системе знаний

Начиная с античности и вплоть до конца XVIII в. знание о языке складывалось и развивалось главным образом в рамках философии, филологии, а в Средние века также теологии. основополагающий вклад в разработку общелингвистической проблематики внесли, в частности, античные философы Демокрит, Платон, Аристотель, стоики, Эпикур; ранние христианские теологи II–VIII вв. (так называемые отцы церкви, среди них Аврелий Августин и Григорий Нисский), средневековые схоласты — реалисты, номиналисты, концептуалисты, спорившие на протяжении многих веков о природе «универсалий» (общих понятий), в их числе П. Абеляр и У. Оккам; модисты в конце XIII — начале XIV в.; философы и грамматики рационалистического направления XVI–XVIII вв. — Р. Декарт и Г. В. Лейбниц, Фр. Санчес и авторы Пор-Рояля А. Арно, Кл. Лансло, П. Николь; смыкающиеся с ними в культе разума французские энциклопедисты; наконец, эмпирики и сенсуалисты Нового времени — Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Э. Б. де Кондильяк.

Список философских и грамматических учений прошлого, подготовивших создание общей теории языка, легко может быть расширен. Но лишь в эпоху немецкой классической философии благодаря гению В. фон Гумбольдта общая теория языка приняла вполне завершённый системный вид и обрела, наконец, статус самостоятельной научной дисциплины.

Изначально же язык не был объектом и предметом самостоятельного научного исследования. Античные философы обращались к языковому материалу в целях постижения основ бытия, законов и форм мышления, принципов человеческого познания, нередко отождествляя языковые закономерности с онтологическими и логическими [Троцкий 1996: 26]. Тем не менее уже в древних спорах об основаниях именовании — «по природе» именуемых вещей или «по закону» (установлению) именуемых людей — речь шла не только о природе языковых знаков. По существу, были поставлены кардинальные общелингвистические проблемы: о соотношении языка, мышления и действительности и, значит, о языке как посреднике между

миром и человеком; о соотношении объективного и субъективного в языке, а следовательно, об отражательных и знаковых свойствах языка.

Однако в силу естественного синкретизма, нерасчлененности теоретического знания в эпоху его становления античная философия языка растворялась в онтологии и гносеологии.

Так, у Аристотеля проблемы языка затрагиваются и в «первой философии» («Метафизика», «Категории»), и в логических трудах («Аналитика», «Об истолковании», «О софистических опровержениях»), и в сочинениях, посвященных словесным «искусствам» («Поэтика», «Риторика»).

У стоиков учение о языке оказывается нераздельной частью логики в целом и каждой из логических дисциплин в отдельности: диалектики (науки о правильном рассуждении), распадающейся на учение об обозначаемом и учение об обозначаемом, и риторики (науки об умении красиво говорить). Такой синкретизм задан самим понятием *«логоса»* (см. ниже), к которому восходит и введенный стоиками термин *«логика»*.

Утвердившийся с античности логический подход к языку определил господствующее положение рационалистической традиции в последующем развитии общей теории языка вплоть до конца XVIII в.

В рационалистически ориентированных античных учениях Парменида, Платона, Аристотеля из онтологического противопоставления изменчивого чувственного мира неизменному умопостигаемому миру, из оппозиции единичного и общего выводится противоположение обманчивого мнения истинному знанию [ФЭС 1989: 372]. Научное знание о единичном, чувственно явленном Аристотель считает невозможным. «Всякое научное знание есть знание об общем», о «причинах» и «началах», которые должны получить доказательное обоснование с помощью дедуктивно-аксиоматического метода. Не без влияния Аристотеля с античности до Нового времени метод дедукции явно преобладает и в общей теории языка.

Сенсуалистическая традиция, заданная Протагором и отчетливо проявившаяся уже в лингвистическом учении Эпикура, оказалась на заднем плане. Ее значение явно возрастает лишь в Новое время.

* * *

С зарождением филологии в эпоху эллинизма потребности критики и комментирования литературных памятников, нужда в установлении и закреплении языковых норм привели к созданию в III–II вв. до н. э. грамматики. В Александрийской школе она уже вполне эмансипировалась от философии [Троцкий 1996: 31] и общелингвистической проблематики.

Хотя, по определению Дионисия Фракийца, грамматика наряду с риторикой и философией относилась к логическим искусствам, внимание александрийцев сосредоточивается не на познавательных, а на коммуникативных свойствах языка. Грамматика, с точки зрения александрийцев, есть искусство чтения и понимания

поэтов, прозаиков, историков в соответствии с аналогией и обиходом. Это теория правильности речи и письма [Античные теории... 1996: 111–112].

Практическая, нормативная ориентация грамматики была господствующей и в поздний период античности, и в раннее Средневековье [Ольховиков 1985: 99], когда грамматика занимала ведущее положение в составе тривиума, включавшего кроме грамматики диалектику (логику) и риторику.

Но уже с XI–XII вв. ситуация постепенно меняется. Благодаря знакомству с полным сводом логических трудов Аристотеля на первый план в тривиуме выдвигается логика. Происходит логизация грамматики. Под влиянием Аристотеля грамматическая мысль позднего Средневековья устремляется к познанию и объяснению общих свойств языка исходя из лежащих в их основе «начал», или «причин». В результате в XII в. появляется спекулятивная грамматика¹, в которой господствует метод дедукции и принцип доказательства. Зарождается грамматика как наука, сближающаяся с общей теорией языка, которая продолжает разрабатываться в рамках средневековой философии и теологии. Тем самым подготавливается почва для последующего разделения грамматики на грамматическое искусство, допускающее сознательный субъективный выбор в пользовании языком, и грамматическую науку, основанную на точных процедурах и правилах, которые отражают действующие в языке строгие объективные законы. (В этом раздвоении грамматики уже намечается сосюроевское противоположение лингвистики языка лингвистике речи, основанное на дихотомии «язык — речь».)

Первое указание на двойственную природу грамматики реально существующих языков находим в середине XII в. у Петра Гелийского [Грошева 1985: 224–226].

Противоположение грамматики как науки и грамматики как искусства со временем пересекается с противоположением общей и частной грамматики.

Проблема соотношения в языке общего (универсального) и частного (отдельного, специфического) привлекает всё большее внимание по мере отхода от монокультурной античной традиции и в связи с распространением христианства. Расширение лингвистического кругозора вело к осознанию единства различных языков ввиду всеобщности человеческой природы. Эта идея была четко сформулирована уже Тертуллианом (160–220): «Все народы — один человек, различно имя; одна душа, различны слова; один дух, различны звуки; у каждого народа есть свой язык, но сущность языка всеобща» (цит. по: [Эдельштейн 1985: 178–179]).

С признанием отдельных языков вариантами единого человеческого языка стало необходимым отличать частную грамматику от общей, универсальной. Так как предмет универсальной грамматики ограничивался содержательной стороной, которая отождествлялась с мыслительным содержанием, универсальная грамматика попала в подчинение логике [Грошева 1985: 235–236].

¹ «СПЕКУЛЯТИВНОЕ (от *лат.* *speculor* — созерцаю), тип теоретического знания, которое выводится без обращения к опыту и направлено на осмысление оснований науки и культуры» [СЭС 1981: 1266].

Развитое обоснование универсальной грамматики возводят к середине XIII в. — к трудам Роберта Килвордби и Роджера Бэкона. Согласно Р. Килвордби, универсальная грамматика изучает существующую лишь в разуме значащую речь в отвлечении от каждого отдельного языка. Это возможно потому, что, как полагает Р. Бэкон, «грамматика по своему существу одна и та же во всех языках, хотя она и различается (в разных языках) приводящими чертами» (цит. по: [Перельмутер 1991: 11]). Иными словами, «...в каждом языке есть два рода проблем: одни, которые касаются данного рассматриваемого языка, и другие, которые являются общими для всех языков; первый род проблем не должен быть объектом научного изучения, второй род — должен. Таким образом, грамматика может считаться наукой лишь постольку, поскольку ее объект универсален. Универсальность реальности, воспринятая и понятая универсальным человеческим разумом, могла выражаться в универсальном языке» [Грошева 1985: 236].

Вершиной средневековой лингвистической мысли явилось грамматическое учение модистов в конце XIII — начале XIV в. Это первый опыт общей теории языка в духе умеренного реализма, воспроизводившего учение Аристотеля. Модисты искали онтологические основы языковых явлений.

В Новое время грамматика как наука сохраняет объяснительный характер и приверженность принципам доказательства. Но последние имеют теперь не онтологическую, а рациональную, логическую природу. Стремление раскрыть первопричины и истинные принципы языка, опираясь на доказательства с помощью логики, четко обозначилось уже в первых универсальных грамматиках. К ним принадлежат такие труды, как «“Минерва”, или О первоосновах латинского языка» испанского гуманиста эпохи Возрождения Франческо Санчеса (1587) и «Общая и рациональная грамматика Пор-Рояля» Антуана Арно и Клода Лансло (1660). С «Грамматикой Пор-Рояля» связывается окончательное выделение общей и рациональной грамматики из единой синкретической грамматики в самостоятельную область теоретического изучения языка [Бокадорова 1987: 96].

Последовавшее за этим разграничение общей и частной грамматики, противопоставление учения о языковом строе (грамматики) и учения о языковом употреблении (литературы) закрепили противоположение науки и искусства в отношении к такому объекту знания, как язык, что нашло отражение во французской «Методической энциклопедии. Грамматика и литература» (1782–1786, 1789).

Вместе с тем растет потребность в синтезе различных подходов не только при изучении грамматики, но и в целях создания адекватной философии языка.

Укрепление эмпирико-сенсуалистической традиции в Новое время, стимулировавшее рост внимания к изменчивому чувственному миру, вместе с утверждением принципа историзма уже в философских системах Дж. Вико и ряда французских энциклопедистов заставило критически отнестись к рационалистическим постулатам об общих и неизменных принципах речи, проистекающих из общих и неизменных свойств человеческого мышления. Убежденность в однородности, всеобщности мышления вступала в противоречие с разнообразием языков и их

«гениев». Всё более укоренявшиеся представления об активности материи, поддержанные, в частности, Ф. Бэконом [АМФ 1970, 2: 219–220], плохо согласовывались с положением о якобы односторонней зависимости языка от мышления. Взгляд на функции языка по отношению к мышлению явно нуждался в корректировке, и он изменился уже к середине XVIII в.

Синтезирующие тенденции, заданные на исходе XVII в. теорией познания Дж. Локка, сочетавшей и в анализе языковых знаков принципы материалистического сенсуализма с началами рационализма, отчетливо проявились на рубеже XVIII–XIX вв., в частности, во французской лингвистической традиции, предложившей разные пути синтеза — в семиотическом, «идеологическом», философском ключе, с опорой на принцип историзма [Бокадорова 1987: 91–101].

Наиболее последовательно синтез рационалистического и сенсуалистического направлений, логического и исторического методов в исследовании языка был осуществлен в лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, признанного основоположником языкознания как самостоятельной науки. Основываясь на диалектическом методе немецкой классической философии, В. фон Гумбольдт создает такую общую теорию языка, в которой язык предстает как активный, деятельностный посредник между миром и человеком, воплощающий в себе единство чувственного и рационального, объективного и субъективного, общего и единичного.

2. Античность

2.1. Язык — мышление — действительность

Из круга обсуждаемых ныне общелингвистических проблем с самого начала в центре внимания оказались две основополагающие и взаимосвязанные проблемы: язык — мышление — действительность и, соответственно, языковой знак. Такая ориентация античных теорий языка объясняется тем, что первыми к теоретическому осмыслению языка — и не ради него самого, а в целях постижения законов бытия и мышления — обратились философы.

2.1.1. Природа — человек — язык

Осознание языка как посредника между миром и человеком, между природой и духом становится возможным лишь с осознанием противопоставления природы и человека. Между тем «до поры до времени человек трактовался как естественный результат общеприродного развития и никакого вопроса об особом соотношении человека и природы не ставилось» [Лосев 1994а: 241].

Вначале, в эпоху общинно-родового строя имела место полная нерасчлененность природы и человека [Там же: 278], причем и природа (а она в античности все же на первом плане [Лосев 1988а: 16]), и человек понимались совсем не так, как в Новое и Новейшее время [Лосев 1994а: 278, 256–258].

Античное сознание, согласно А. Ф. Лосеву, знает только чувственно-материальную действительность, которая имеет вещевистский характер, являясь носителем всех вещей и событий [Лосев 1988а: 67; 1988б: 87–88]. Абсолютный вещевизм античного мифологического мышления охватывает и сферу идеального: «...всё идеальное дано в нем вещественно, субстанционально, целиком материально и целиком зримо физическим зрением» [Лосев 1988а: 23]. Сами же вещи в античном восприятии оказываются не только чувственно-материальными, но еще и живыми, одушевленными, даже разумными [Лосев 1988б: 91]. Старая античная мифология видела в природе, в чувственно-материальном космосе лишь живые существа, наделенные сознанием, переживанием и самодвижущиеся под управлением целесообразных и вечных законов. Поскольку же «...всякое живое существо как раз является и не только объектом, и не только субъектом, но еще и субстанциональным тождеством того и другого» [Лосев 1994а: 333], субъект и объект предстают в нерасчлененной слитности.

Внеличный всеобщий вещевизм, отличающий, по А. Ф. Лосеву, античное миропонимание и в первобытно-общинной, и в рабовладельческой формации [Лосев 1988а: 55, 58, 67; 1994: 505], накладывает свою печать и на понимание человека. Исходный телесный вещевизм базируется на отрицании личности [Лосев 1988б: 90]. «...Человек трактуется в античности не как личность в ее субстанции, но как вещь. <...> ...Будучи трактована как вещь, личность понималась здесь как проявление природы, как эманация всё того же чувственно-материального космоса, а не как специфическая и самостоятельная субстанция, которая была бы выше природы и глубже чувственно-материального космоса» [Лосев 1994а: 277].

Становление самостоятельности человеческого индивидуума А. Ф. Лосев относит к последним векам общинно-родовой формации, когда человек перестал чувствовать себя ничтожеством перед природой, что нашло отражение уже в поэмах Гомера [Там же: 236]. Однако и у Гомера «...человек мыслится частицей великой природы, но не индивидуальной, неповторимой и целостной, пусть даже только физической, личностью» [Там же: 511]. Лишь в послегомеровской Греции, начиная с классической трагедии (особенно у Еврипида), зарождается представление о человеческой личности, да и то преимущественно в физическом смысле [Там же: 512–515].

Разделение умственного и физического труда в эпоху рабовладельческой формации, возникновение особой умственной деятельности означало разделение внутреннего и внешнего, идеального и материального, субъективного и объективного [Там же: 368]. И в период античной классики природа, чувственно-материальный космос уже трактуется только как объект [Там же: 238]. Что же касается человека, то и рабовладельческая формация «...построена на понимании человека не как личности, а как вещи: раб есть безличная вещь, способная производить целесообразную работу; и рабовладелец есть безличный интеллект, способный быть принципом формообразования для рабского труда и имеющий огромные возможности для погружения в свое интеллектуальное самосозерцание. ...Рабовладельческая

формация заставляла всякую личность понимать в ее существенной зависимости от ее тела, от ее вещественной стихии» [Лосев 1988а: 52], как отражение и обобщение сил природы и природного человека.

Вопрос о соотношении субъекта и объекта, согласно А. Ф. Лосеву, впервые возникает с конца IV в. до н. э., в послеклассический период античной культуры, когда по мере частичного освобождения рабов на первый план выступают субъективные потребности и интересы человека, что способствует развитию дифференцированного индивидуализма. Однако решается этот вопрос не в плане дуализма, а как наличие объекта в субъекте, поскольку человеческий субъект и в эпоху эллинизма мыслит себя как эманацию всеобщего, теплого и дышащего космического организма [Лосев 1994а: 285]. Субъект становится личностью лишь в атрибутивном смысле, т. е. в смысле наличия большого числа личностных элементов — материальных и идеальных признаков, но не дорастает до личности как субстанции, в которой материальное и идеальное образуют нерасторжимое тождество [Лосев 1988а: 48–49, 76–77]. «Личность, не сводимая на природу, возникла не раньше средневекового монотеизма или возрожденческой абсолютизации земного человека» [Там же: 54].

В силу вещественного понимания чувственно-материального космоса *язык* в эпоху античности определяется как *совокупность имен вещей*. И не случайно имя становится фокусом размышлений древних о языке.

Споря о сущности именования, античные философы исходили из противопоставления совершенной природы несовершенному человеческому обычаю, закону, установлению, которому свойственны произвол, условность, случайность.

В ходе обсуждения принципов именования был выдвинут ряд вопросов, сохранивших актуальность и по сей день: о соотношении объективного и субъективного в языковых знаках, об их типологии и познавательной ценности в зависимости от наличия / отсутствия большего или меньшего сходства с обозначаемым, о диапазоне действия правильности имен — одна и та же она для разных народов (эллинов и варваров) или нет, т. е. универсальна она или национально-специфична. Если воспользоваться терминами современной семиотики, то речь шла о том, каково соотношение семантики и прагматики: являются ли языковые знаки иконами / индексами, в большей или меньшей степени подобными вещам, их сущности и природным свойствам, или же языковые знаки представляют собой произвольные условные символы.

Спор этот, как показал Платон в диалоге «Кратил», выявил несостоятельность однобокого выпячивания либо природного, либо человеческого начала в языке. Применительно к языку односторонний «антропоцентризм» софистов, полагавших, что «человек есть мера всех вещей» и что «...любой человек может назвать каждую из вещей каким ему угодно именем» [Античные теории... 1996: 80], так же неприемлем, как односторонний «натуроцентризм» последователей Гераклита, видевших в словах создания природы, подобные теням или отражениям в воде и зеркалах [Там же: 79]. Только синтез обоих начал в духе Сократа дает, по Платону, ключ к познанию истинной природы языковых знаков.

2.1.2. Формы познания и язык.

Истоки рационалистической тенденции в анализе языка

В доклассический (дофилософский) период и в период ранней классики (в досократовской философии) в отсутствие четкого различения материального и идеального в чувственно-материальном космосе чувственное восприятие отождествлялось с мышлением, да и в самом мышлении видели явление чувственной природы [Лосев 1992: 548].

Стремление найти источник движения и упорядочения чувственно-материального космоса, его внутреннюю закономерность приводит древних к мысли о существовании некоего разумного начала. У Гераклита (ок. 540 — ок. 480 до н. э.) это *логос* как закон бытия, его структурная и устойчивая сторона, творящая и оформляющая космическая сила, неотделимая от творящей материи. У Анаксгора (ок. 500–428 до н. э.) это *ум* (*нус*) как источник движения, «виновник благоустройства мира и всего мирового порядка» (Аристотель *Мет.*, I, 3, 984b). Существующий сам по себе как легчайшая и чистейшая из всех вещей, он «...содержит полное знание обо всем и имеет величайшую силу», властвуя над всем, что только имеет душу (цит. по: [Богомоллов 1985: 105]). У Диогена Аполлонийского (2-я пол. V в. до н. э.) это *воздух* как «обладающее мышлением» первоначало, которое «всем правит и над всем господствует», «везде присутствует, всё устраивает и во всем заключается» (цит. по: [Там же: 52]). Но в соответствии с материально-телесной сущностью античного мировоззрения ум, логос, мышление понимается как сама же объективная действительность, как категория, атрибут материальных субстанций [Лосев 1992: 455, 542–546].

Представление об упорядочивающей роли разумного начала в мироустройстве приводит к примату рационального над чувственным и в теории познания. Такое противопоставление рационального и чувственного отчетливо проявляется уже в ранней классике — у Парменида (акмэ 504–501 до н. э.) и Демокрита (460–370 до н. э.), когда ум мыслится еще атрибутивно, и упрочивается в период зрелой и поздней классики — у Платона (427–347 до н. э.) и Аристотеля (384–322 до н. э.), когда он понимается как самостоятельная субстанция.

Различение способов познания и его результатов обусловлено онтологически — противоположением двух миров. С одной стороны, это изменчивый мир становления, каким является чувственный мир, «область зримого» (по Платону). С другой стороны, это мир неизменного, единого и вечного бытия, «область умопостигаемого». Познание изменчивого мира становления опирается на чувственное восприятие, на чувственный опыт и дает ненадежное, темное знание или, иначе, мнение (докса). Познание мира неизменного бытия осуществляется с помощью разума, рассудка, мышления. Рациональное познание дает точное, светлое знание (эпистеме) и приводит к истине (см. таблицу, с. 48).

Подлинность рационального познания обусловлена, согласно Пармениду, тождеством бытия и мышления: «мыслить и быть — одно и то же», «одно и то же

мысль и то, о чем мысль», которая высказывается в слове. Сущее есть то, что может мыслиться и высказываться. Следовательно, «слово и мысль бытием должны быть: одно существует лишь бытие» (цит. по: [Богомолов 1985: 82–83]).

Познаваемый объект	Познающий субъект	Способ познания	Результат познавательной деятельности
Изменчивый чувственный мир становления («мир по мнению», область зримого)	Человек	Чувственное восприятие, вера и уподобление	Докса (мнение) — ненадежное, темное знание
Мир неизменного бытия, мир идей («мир по истине», область умопостигаемого)	Боги	Мышление, разум	Эпистеме — точное, светлое знание

Как видно, тождество бытия и мышления охватывает и язык (очевидно, взятый в содержательном, семантическом аспекте, когда, по Платону, «...сведущий в именах рассматривает их значение» («Кратил», 394b) [Платон 1990: 626]).

Такое понимание отношений между бытием, мышлением и языком отчетливо проявляется в античном понятии *логоса*. «“Логос” — понятие логическое, языковое и в то же время — материальное, натурфилософское» [Лосев 1992: 320]. В логосе и слово (в его содержательном аспекте), и мысль представлены одновременно, образуя «глубочайшее единство». Логос — это и «мысль, адекватно выраженная в слове и потому неотделимая от него», и «слово, адекватно выражающее какую-нибудь мысль и потому от нее неотделимое» [Лосев 1994а: 216]. При этом «...“слово” берется не в чувственно-звуковом, а исключительно в смысловом плане, но и “смысл” понимается как нечто явленное, оформленное и потому “словесное”» [Аверинцев 1989а: 321].

Глубочайшее единство и слитность мысли и слова в логосе сопровождается нерасчлененностью в нем единиц и категорий как из сферы мысли, так и из сферы языка. Логос — это и понятие, категория, суждение, умозаключение и рассудок и разум, с одной стороны, а также слово, предложение, высказывание, разговор, речь — с другой [Лосев 1994а: 216].

В то же время в соответствии с господствующим чувственно-материальным миропониманием слово-логос как содержательное единство образует нераздельное целое со своим звучанием — *rhōnē*. Согласно В. В. Борисенко, в эпоху античной классики «logos не мыслится вне *rhōnē*, вернее, мысленный logos — это тоже мысленное *rhōnē*; ...у каждого *rhōnē* есть свой logos. Итак, *rhōnē* и logos в этот период связаны нерасторжимой связью не только потому, что всякое слово-логос — это *rhōnē*, но еще и потому, что всякий смысл-логос выражен, явлен в *rhōnē*» [Борисенко 1985: 168].

Отсюда в представлении древних не просто неразрывная связь, но нераздельная слитность мышления и речи, их явное тождество. Так, в определении Платона, «...мысль (*διάνοια*) и речь (*λόγος*) одно и то же» («Софист», 263е) [Платон 1993: 338], ибо мышление осуществляется в речи, пусть и беззвучной: мышление — это «беззвучная беседа души с самой собой» («Софист», 263е–264а) [Там же: 339], когда она «рассуждает, сама себя спрашивая и отвечая, утверждая и отрицая» («Геттет», 189е–190а) [Там же: 249]. Используя диалог в качестве основного метода мышления и постижения истины, Сократ и Платон, в сущности, исходят из непосредственной связи мышления с общением [ФЭС 1989: 382, 599, 708].

Тождество речи и мышления обеспечивается тем, что в основе искусства речи, так же как в основе рассуждения и мышления, лежат две диалектические (логические) способности. С одной стороны, «...это способность, охватывая всё общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно», т. е. возводить частное к общему. С другой стороны, «...это, наоборот, способность разделять всё на виды, на естественные составные части», т. е. выводить частное из общего («Федр», 265d–266a) [Платон 1993: 176]. Благодаря первой способности образуется понятие, а слово приобретает обобщающий характер. Благодаря второй осуществляется классификация понятий, а язык становится областью членораздельности. Без этих двух способностей, как полагает Аристотель, познание невозможно: «...истина и ложь состоят в соединении и разделении» (Аристотель. «Об истолковании», 1, 4) [Античные теории... 1996: 65]. (Определение мышления через способность к разделению и соединению находим позднее у Э. Б. де Кондильяка и В. фон Гумбольдта.)

Единством языка и мышления руководствуется Аристотель, когда утверждает, что «...нет различия между доказательствами, относящимися к слову, и доказательствами, относящимися к мысли. Нелепо полагать, что, доказательства, относящиеся к слову, и доказательства, относящиеся к мысли, не одни и те же, а разные» (цит. по: [Перельмутер 1980а: 159]).

Характерное для античности неразличение бытия, мышления и языка отчетливо проявляется в учении о категориях.

У Аристотеля, по заключению современного философа, «...категории суть одновременно характеристики бытия, как и логические и грамматические категории» [Богомолов 1985: 200], а с точки зрения современного лингвиста, они, вопреки ожиданиям Аристотеля, не обладают статусом универсальности, отражая лишь организацию и дистрибуцию категорий греческого языка, носителем которого был Аристотель [Бенвенист 1974: 107, 111]. Причины такого толкования категорий указал уже Ф. Бэкон, полагавший, что «...Аристотель подчинял мысли словам» [АМФ 1970: 220].

Аналогично этому и «для стоического понимания категорий характерно сочетание логического, языкового и онтологического аспектов». Так, «...субстанция (*hypokeimenon*) — логический субъект, грамматическое подлежащее и онтологическая субстанция» [Богомолов 1985: 272].

Отождествление языка и мышления проистекает из неразличения языкового и мыслительного содержания.

Однако положение меняется, если обратиться к языку в чувственно воспринимаемом аспекте и, в частности, рассматривать слово в его звуковом выражении.

Уже Гераклит заметил, что «...хотя логос всеобщ, большинство людей живет так, как если бы они имели собственное понимание» (цит. по: [Богомолов 1985: 55]).

Текучести вещей в мире становления соответствует текучесть, изменчивость их чувственных восприятий. Отсюда «темное» знание (докса). Ненадежность чувственного познания усугубляется частым отсутствием одно-однозначного соответствия между вещью и именем. Это несоответствие столь существенно, что Парменид приходит к заключению: «мир доксы всецело обусловлен человеческим языком, произвольно установившим множество “имен” для одного сущего» [Лебедев 1989б: 463].

За противоположением мнения (доксы) истине кроются разные познающие субъекты — несовершенный человеческий и идеальный божественный. Мнение, согласно Ксенофану (ок. 570 — после 478 до н. э.) и Пармениду, — удел всех смертных, истина — достояние богов. И «...совершенно ясно, что уж боги-то называют вещи правильно — теми именами, что определены от природы» («Кратил», 391d, e) [Платон 1990: 623]. Несмотря на текучесть вещей, боги, а также первые учредители имен, будучи «вдумчивыми наблюдателями небесных явлений» («Кратил», 401b) [Там же: 635], способны познать собственную устойчивую сущность вещи и, выделив какой-то ее аспект (то, что позднее было определено как внутренняя форма слова), отразить его в образе имени более или менее достоверно.

Но так как сами античные боги — это одновременно и интеллект, формообразующий принцип-идея чувственно-материального космоса, и обожествленные силы природы, «обобщение тех или иных природных свойств» [Лосев 1992: 63], то неудивительно, что с поворотом философии 2-й половины V в. до н. э. к человеку антитеза истины и мнения всё чаще соотносится с противоположением природного начала (physis), закона, данного людям богами, закону (nomos), установлению (thesis), обычаю, искусству (technē) человека. Это противоположение лежит в основе античных споров о принципах именования вещей и критериях правильности имен.

Провозглашение софистами человека мерой всех вещей и критерием истины означало снятие оппозиции божественной истины и человеческого мнения ввиду относительности любого знания [Лебедев 1989в: 521]. Чувственное восприятие изменчиво, по Протагору, и потому, что сущее текуче и изменчиво, и потому, что люди «в разное время воспринимают разное, смотря по разнице их состояний» (цит. по: [Богомолов 1985: 119]). А так как тезис Протагора (ок. 480–410 до н. э.) «Человек — мера всех вещей» распространяется и на язык, возникает сомнение (оно было сформулировано Горгием (ок. 480–380 до н. э.)), можно ли воспринятое нами сущее изъяснить и сообщить другому с помощью речи: ведь «...мы сообщаем

ближним не сущее, а речь, которая отлична от субстрата» [Античные теории... 1996: 38]. Поскольку сущее не совпадает ни с мыслью, ни со словом, «...никто не вкладывает (в слова) тот же смысл, что другой» (цит. по: [Лебедев 1989а: 130]). Значит, заключает Горгий, «...не будучи сущим, речь не может быть изъяснена другому» [Античные теории... 1996: 38]. Соответственно и правильность имен представляется софистам относительной, условной, субъективной. Они убеждены, что «ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть». Следовательно, правильность имени есть не что иное, как договор и соглашение: «...какое имя кто чему-либо установит, такое и будет правильным» («Кратил», 384d) [Платон 1990: 614].

Основные аргументы в пользу происхождения имен от установления, «от случая, а не от природы» привел Демокрит. Это, во-первых, *многозначность*, или равноименность, когда «...различающиеся между собою вещи называются одним именем». Во-вторых, это *равновесие*, или многоименность, когда различающиеся между собою имена обозначают одну и ту же вещь, заменяя друг друга. В-третьих, это *переименования*. В-четвертых, это *безымянность*, когда несоответствия в словопроизводстве обуславливают недостаток в сходных образованиях [Античные теории... 1996: 37]. (Первые два аргумента Демокрита, касающиеся явлений омонимии и синонимии, впервые раскрывают такое сущностное свойство языковых знаков, которое в XX в. было определено С. О. Карцевским как асимметричный дуализм.) Случайностью человеческих установлений Демокрит объясняет и разнообразие в характере языков, вследствие чего «...язык оказался не у всех равнозвучным»: положившие начало всем племенам первые объединения людей имели место по всему миру, и «...каждые случайным образом составляли свои слова», устанавливая друг с другом символы для каждой вещи [Там же: 37].

Некоторые из аргументов Демокрита — в связи с обсуждением софистических воззрений — приводят позднее Платон и Аристотель. В диалоге Платона «Кратил» ученик Протагора Гермоген, доказывая условный характер правильности произвольно данных имен, ссылаясь, во-первых, на возможность переименования, а во-вторых, на различное именование одних и тех же вещей, причем не только у разных народов. В самом деле, «ведь когда мы меняем имена слугам, вновь данное имя не бывает же менее правильным, чем данное прежде». Безразлично и то, что «...иногда одни и те же вещи в каждом городе называются особо, у одних эллинов не так, как у других, а у эллинов не так, как у варваров». «...Сколько имен кто-либо укажет каждой из вещей, столько и будет» («Кратил», 384d, 385e, d) [Платон 1990: 614, 615]. В свою очередь Аристотель пытается объяснить такое явление, как многозначность. Причину многозначности он видит в том, что «...число слов ограничено, ограничено и множество речений, предметы же беспредельны по числу. Поэтому неизбежно одно и то же речение и одно и то же слово означают многое» (Аристотель. «О софистических опровержениях», 1, 5) [Перельмутер 1980а: 160]).

Всё это как будто ограничивает познавательные возможности языка. И тогда приходится согласиться с гносеологическим выводом, к которому приходит Сократ в диалоге Платона «Кратил»: «...не из имен нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих» («Кратил», 439b) [Платон 1990: 679]. Тем не менее, выделяя ступени познания, Платон две низшие ступени связывает с языком. «Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание»: первая ступень — это имя, вторая — определение в форме предложения, составленного из существительных и глаголов, третья — изображение, например рисунок. Четвертая ступень — это само знание, понимание, правильное мнение о том, что существует в душах. «Пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие» (VII письмо, 342a, b) [Платон 1994: 493–494]. «Из них понимание наиболее родственно, близко и подобно пятой ступени, всё же остальное находится от нее много дальше» (342d). Однако «...если кто не будет иметь какого-то представления об этих четырех ступенях, он никогда не станет причастным совершенному познанию пятой» (342e). Оно возможно лишь через «глубокое проникновение в каждую из этих ступеней, подъем или спуск от одной из них к другой» (343e), «путем взаимной проверки — имени определением, видимых образов — ощущениями» (344b). Необходимость такой проверки диктуется неопределенностью каждой из четырех ступеней чувственного познания. Недостаточность словесного выражения, изменчивого и неустойчивого, как всё чувственное, Платон показывает на примере *круга*: «...ни в одном из названий всех этих [сделанных человеческими руками] кругов нет ничего устойчивого и не существует препятствия для того, чтобы называемое сейчас кругом мы называли потом прямым и, наоборот, чтобы прямое было названо круглым; в то же время вещи, называемые то одним, то другим, противоположным, именем, стойко остаются теми же самими».

И с определением всё та же история, если оно складывается из имен существительных и глаголов, и в то же время ничто твердо установленное не бывает здесь достаточно твердым» (VII письмо, 343a, b) [Там же: 494–495].

На чем же тогда основывается Платон, признавая имя и определение-предложение ступенями познания? Очевидно, на способности языковых знаков отражать определенные свойства объективных сущностей. Признание или отрицание такой способности за языковыми знаками существенно различает сторонников природной и договорной теории происхождения языка.

2.2. Античные теории языкового знака

Античные теории языкового знака сложились в споре о природе именования.

Одни из них в большей или меньшей степени признают естественную мотивированность языковых знаков, не отрицая вовсе мифологических представлений о природной связи имени и вещи.

Другие, порывая с мифологией, опираются на договорную теорию происхождения языка и трактуют языковые знаки как исключительно произвольные условные установления.

Хотя в последующий период развития лингвистическая мысль исходила главным образом из произвольности языковых знаков, однако к настоящему времени становится всё более очевидным основополагающее значение античных доказательств в пользу естественной мотивированности языковых знаков и для постижения самой их сущности и строения, и для понимания истинного соотношения языка и мышления, и для осознания специфики языка как посредника между миром и человеком.

В рационалистически и сенсуалистически ориентированных античных учениях природная мотивированность языковых знаков доказывается по-разному, но так или иначе она оказывается связанной с выделением собственно языкового содержания, отличающегося от содержания мысли.

Платон утверждает наличие некой внутренней связи между именем и вещью на основании *отражения в образе имени* одного из аспектов идеальной сущности вещи (ее идеи, эйдоса, образа). Эта интерпретация человеком идеальных сущностей «в свете какого-нибудь одного, но зато уже определенного их момента» [Лосев 1990а: 831] в первых и позднейших именах осуществляется по-разному. В первых — путем подражания сущности именуемой вещи с помощью голоса, когда на положенный в основу именования признак сущности намекают в чем-то сходные со свойствами обозначаемого артикуляторно-акустические характеристики звукового состава слова¹. В позднейших именах семантическая интерпретация идеальных сущностей вещей осуществляется через посредство первых имен, указывающих самим своим значением на признак, послуживший основой именования.

Таким образом, согласно Платону, в акте наименования звучащее имя соотносится не только с именуемой вещью и ее идеальной сущностью, но и с образом (идеей) имени, который отражает *способ интерпретации человеком* сущности вещи. Соответственно, знаковая ситуация имеет четырехкомпонентную структуру, определяемую эйдосом вещи как ее объективно существующим идеальным порождающим началом.

¹ Согласно И. М. Троцкому (Тронскому), указанная теория происхождения первых имен восходит к какому-то атомисту. Возможно, им был сам Демокрит, как будто пытавшийся объяснить семантическую звуку движением речевых органов, воспроизводящим особенности предмета [Троцкий 1996: 20–23].

Научное издание

Людмила Георгиевна Зубкова

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ЕЕ РАЗВИТИИ:
ОТ НАТУРОЦЕНТРИЗМА К ЛОГОЦЕНТРИЗМУ ЧЕРЕЗ СИНТЕЗ
К ЛИНГВОЦЕНТРИЗМУ И К НОВОМУ СИНТЕЗУ

Корректор О. Круподер

Ведущий редактор В. Столярова

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 30.11.2016. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 50,31. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4